

ПЕТР ИНГВИН
СКАЗАНИИДА

Петр Ингвин
Сказаниада

«Автор»

2019

Ингвин П.

Сказаниада / П. Ингвин — «Автор», 2019

Влюбленные пожелали сказочной жизни, их перенесло в мир сказки, а жизнь заставила стать известными всему миру персонажами Илиады и Сказания о Святом Георгии. Цитата: «Чтобы встретившаяся пара людей жила в сказке, нужно строить ее с обеих сторон, и строительство это — до последнего вздоха». (Автор обложки Олег Щербаков.)

© Ингвин П., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог. Однажды в Вероне	5
Часть первая. Красная Шапочка, сын мельника и заморский принц	10
Глава 1. Красная Шапочка	11
Глава 2. Сын мельника	14
Глава 3. Заморский принц	18
Часть вторая. Егорий Храбрый	27
Глава 1. Георгий и Елена	28
Глава 2. Соловей-разбойник	31
Глава 3. Сказка, потерянный рай и комары	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Петр Ингвин

Сказаниада

Пролог. Однажды в Вероне

– Буон джорно, синьор Валентино. – Георгий положил на прилавок сердечко из картона. Словарный запас иссяк. Продавец, лысоватый низенький итальянец, знал о проблеме и ответил по-русски:

- Добрый день, синьор, рад, что воспользовались новым купоном. Чем могу служить?
- Нужно еще одно произведение для конкурса. Роман.
- Надеетесь выиграть?

Георгий улыбнулся. Они друг друга поняли. Для вампира, который питается надеждами, выгода небольшая, но в обмен просят не всемогущество, а всего лишь роман.

Да, синьор Валентино – вампир. На самом деле вампиры – вовсе не кровососы из страшных сказок.

– У вас есть выражение «энергетический вампир», это ближе, но тоже не то, – объяснял он при знакомстве. – Мы, вампиры, не люди и ничто из того, что человек способен представить. В человеческих языках нет нужного слова. С вашей точки зрения мне подойдет определение «сущность вне времени и пространства, чья пища находится в мире, на который эта сущность умеет воздействовать в определенных пределах». Я исполняю желания, но питаюсь надеждами, что связаны с этими желаниями. Если попросите миллион долларов в надежде жить долго и счастливо, вы получите свой миллион, но проживете несчастливо и недолго.

Вспомнился анекдот, как за душу, которую надо отдать после смерти, мужик требовал у дьявола вечную жизнь. Георгий рискнул:

- А если попрошу бессмертие?
- Почему нет? Но вы учли, с какой надеждой связано ваше желание? Подумали, где и кем проведете вечность, когда я заберу оплату?

Воображение нарисовало вечного узника, замурованного, как мумия в пирамиде. Затем – олигарха, чьи деньги веками множатся в банке, а сам он лежит в гробу закопанным на километр. Еще – любимца и любителя женщин, у которого при касании прекрасного пола случаются импотенция и понос. Как обойти нежелательное? Потребовать вечность в раю? Но Георгий не представлял райских куц, разве только в виде болтания ножками сидя на облаках, и здесь его подставить еще проще. А вопрос «кем» просто размазал по стенке. Кем его могут сделать? Вечно шпыняемым бесом, обязанным являться по чужому желанию? Камнем? Элементарной частицей?

Если Георгий попросит, чтобы сделали Богом, не сойдет ли с ума от одиночества и безысходности? Утешат ли его послушные людишки, которых он создаст? Не взбесят ли непослушные, если дать им свободу?

А если забыть о себе и сделать что-то для человечества? Чтобы все были счастливы. Чтобы не было войн. Чтобы люди не болели. Чтобы не было бедных. Чтобы разделенные встретились, а поссорившиеся помирились.

Надежда будет самой благой, а она, надо помнить, не оправдывается в любом случае. Это плата за исполнение желания. Подвох заключался в самом условии. Чего ни пожелаешь, эффект получится обратный.

Синьор Валентино почувствовал смятение Георгия.

– Вы же писатель, как о себе думаете, – сказал он. – Разделите понятия желания, надежды и цели. Представьте ситуацию, в которой исполнение желания при крушении надежд приведет к цели. При правильной формулировке все остаются довольны.

Георгий моргнул несколько раз, почесал выбритую щеку и все равно спросил:

– Это как?

– Очень многие, как, например, местные подростки, которых ныне приписывают к семействам Монтекки и Капулетти, так и не поняли. А некий Хью Хеффнер, пожелавший, чтобы его постоянно окружали красивейшие девушки мира, имел целью долгую жизнь, но надеялся, что его будут любить не за деньги. Желание сбылось, и цель достигнута, хотя надежда не оправдалась. Но цель-то, повторяю, достигнута! Думайте, синьор. И думайте в первую очередь о себе. Чем больше желание решать за всех, тем больше шансов повторить судьбу зелотов, якобинцев, большевиков... Вам трудно поверить, но даже национал-социалисты хотели счастья для всех, просто под всеми подразумевали избранных. Когда кто-то насаждает счастье как сам его понимает, ничего дельного не выходит. О благе человечества мечтали не только бесправные, но и власти предержавшие, среди моих клиентов отметились римский диктатор, французский император, русский царь, советский генсек, американский президент... Их желания были благородны, надежды наивны, но честолюбивых личных целей все они достигли. Главное – не врать самому себе. Четко разделите желание, надежду и цель, и все получится. Что вы хотите лично для себя?

Георгий нервно постучал пальцами по прилавку. Пятый десяток на носу, внешность и возможности никогда в лучшую сторону не отличались, потому главная цель – обрести истинную любовь, взаимную и нерушимую, чтобы жить как в сказке. Эта цель кажется все более призрачной, но терять надежду он не имел права. Отставим пока в сторону. Менее приоритетная цель – стать хорошим писателем.

– Вот вы, синьор, пишете романы, – как типичный итальянец, синьор Валентино помогал себе в разговоре руками, которые сейчас изобразили нечто огромное и чудесное, – хотите, чтобы они оказались лучше всей остальной литературы, вместе взятой, и надеетесь, что это сделает знаменитым...

Он прав, Георгий намерен стать узнаваемым писателем, для чего требовались качественные серьезные произведения, такие, чтобы заставляли задуматься, подталкивали к добру и после прочтения не оставляли изжоги. Надежда при этой цели – чтобы на улицах узнавали, деньги рекой текли, и, пока не встретил сказочную любовь, женщины штабелями в постель укладывались. Что он потеряет, если попросит готовое произведение, которое поведет к большой цели, но не оправдает глупых надежд? Хороший вопрос. Надо сосредоточиться. Итак, еще раз: разделяем цели и надежды, и получается, что итогом станет успех у читателя при отсутствии шумихи вокруг Георгия лично, произведение скажет само за себя. А другой его цели – найти такую любовь, чтобы жизнь превратилась в сказку – известность мешает. Счастье сторонится толпы.

В те дни крупное издательство проводило очередной литературный конкурс, а идей, чтобы участвовать, у Георгия не было. Допустим, отправит он на конкурс доставшийся по okazji хороший роман... По условиям договора с вампиром тайно лелеемые надежды на победу рухнут... Но вездливый читатель посмотрит на текст, а не на результаты голосования и субъективное мнение жюри. Он поймет «ху из ху», и цель приблизится. А если среди читателей найдется та единственная...

Брысь из головы лишняя надежда. Итак: желание – конкурентоспособный роман, надежда – выиграть конкурс, а цель – заявить о себе как об авторе, который что-то может.

Георгий перевел дух и кивнул:

– Устраивает.

Рукопожатие скрепило заключенную сделку.

Когда мужчина в расцвете сил живет один, он либо пьет, либо гуляет, либо, если работа нравится, работает. Георгию его работа нравилась: никакой привязки к месту, живи где хочешь, только статьи вовремя отсылай. Подработка копирайтером и разовыми консультациями также кое-что приносила, а свобода позволяла сосредоточиться на романах, что однажды потрясут мир. В последнем он, как любой автор хотя бы двух связанных строчек, не сомневался. Заработка хватало, чтобы колесить по странам и континентам и заниматься главным – писать, писать, писать...

Минусы такого существования – небезопасность, одиночество и жизнь на грани нищеты, если оказался в странах «золотого миллиарда». Сюда Георгия и занесло. Второй месяц он снимал угол в деревеньке вблизи Вероны, выбиратья откуда было затруднительно. Селяне не знали русского и нарочно не понимали английский («Бе, э ун каццо американо»). Он общался с ними жестами. Невероятные патриоты и хорошие люди, местные жители, когда узнавали, что Георгий никаким боком не каццо американо (один из жестов показал, что без запикивания словосочетание не переводится), подвозили его в город бесплатно, всегда чем-то угощали. И однажды...

В тот день Георгий отправился просто «на люди» – прочистить мозги, полюбоваться на сутолоку, поймать новые идеи и типажи. Верона – шумная, суетливая, полная туристов и эмигрантов – почти не отличалась от прочих итальянских городов. Старинные башни, амфитеатр, базилика... Остальное можно свести к одному: Джульетта. Ну, и Ромео, как бесплатное приложение. Впрочем, не такое уж бесплатное, на этих двух именах половина города кормилась.

Рядом с заброшенной сувенирной лавкой ругалась парочка. Сначала они ломались в закрытую дверь, что-то кричали, потом едва не побили друг друга. Итальянка напоминала кинодиву, кавалер – брутального мачо из мелодрам. Когда ярость сменилась безнадежностью, они скорбно обнялись и побрели вдоль улицы. Георгий проходил мимо, и мачо протянул ему алое сердечко из картона.

– Квелло негоцио, – черная щетина подбородка качнулась в сторону запертой лавки, – прови, буона фортуна.

Мачо почти насильно всучил ему картонку и подтолкнул к двери. Та внезапно открылась.

– Буон джорно, ми кьямо Санто Валентино. – Улыбчивый низенький продавец потянулся к сердечку. – Дамми иль купоне.

Дверь мгновенно захлопнулась за Георгием, отрезав завопившую от радости и снова взывшую парочку.

– Простите, не понимаю.

– Меня зовут Санто Валентино. – Итальянец оказался полиглотом. – Можно просто синьор Валентино. Я вампир.

Сначала Георгию не верилось в реальность происходящего, он пытался сбежать от психа, но слово за слово, и вышеприведенный разговор привел к исполнению желания. Надежда на победу в том конкурсе, естественно, не оправдалась, но цель приблизилась. Рассказ понравился многим. И Георгий пришел вторично, теперь за романом.

Сначала требовалось выяснить кое-что.

– Почему я? Как выбираете, кому дать право на чудо?

– А вы как выбираете героев для сюжета?

Георгий пожал плечами:

– По необходимости. Беру тех, кто лучше донесет идею. Не вижу связи с вашим выбором.

– Потому что неверно ответили на вопрос. Вы останавливаетесь на персонаже, который интересен читателю и который кажется вам многообещающим. Я поступаю так же. Но давайте вернемся к цели визита. О чем должен быть роман?

– В условиях конкурса указано, что подойдут любые произведения, основанные на сказках, легендах и мифах народов мира. – В мозгу зудело: «Скажи про свою сверхцель – про

любовь и чтобы потом жить как в сказке! Второго шанса не будет!» Георгий отвел глаза. – Желательно – про любовь.

– Позвольте уточнить: любовь к чему? В наличии имеются прекрасные варианты: к приключениям, к спиртному, к азартным играм, к деньгам... – Синьор Валентино оборвал сам себя. – Что-то не то говорю. Любовь. Ну конечно же. – Он ударил себя по лбу. – Я понял направление, сейчас подберу что-нибудь.

Он то ли хлопнул в ладоши, то ли потер их в задумчивости перед трудной задачей, но кроме этого сделать ничего не успел – в лавку влетела запыхавшаяся молодая дама.

Георгий обомлел. Сколько лет посетительнице, во что одета, какого цвета волосы и прочее – все растворилось во взгляде невероятных глаз, глубоких, безмерно голубых, полных тоски и страсти. Больше он не видел ничего. Его смыло, закрутило и теперь утягивало куда-то, то ли в рай, то ли в ад, то ли в новую жизнь. Перед ним стояла Она, та самая, из грез и снов, которую ждал всю жизнь, изредка соскальзывая с главного направления в тупички, но всегда возвращаясь.

На прилавок упало такое же сердечко.

– Рад, что воспользовались новым купоном. – Синьор Валентино разгладил картонку и спрятал под прилавок. – Я не надеялся увидеть вас снова, но все же отправил. Что желаете на этот раз?

– Не знаю как выразиться точнее. Попробую. – Женский взор, в котором тонул Георгий, погас и опустился. – Я приехала к Бруно, потому что казалось, будто итальянцы – другие. Дома, когда звучали песни Челентано, кожа покрывалась мурашками, я закрывала глаза и представляла... не важно, что я представляла. Правда вскрылась, когда я выучила язык. «Только я. Только ты. И футбол по телевизору» – представляете, это из пробиравшей до дрожи романтической песни «Соли», что значит «Одни». Загадывая желание, я хотела другой жизни, но не думала, что будет так. Не снимать обувь ни дома, ни в гостях, пить вино вместо компота и чая, борщ есть с пармезаном, а затычку в раковине считать главным кухонным атрибутом... и не удивляться откровенному разглядыванию... целоваться со всеми проходящими-уходящими до потери пульса, спать исключительно в кромешной тьме, не мыслить ванной без окна, забыть о сливочном масле и пододеяльниках, а наворачивая ягненка, кролика или, прости господи, кастрато, считать себя вегетарианцем... Еще – разгибать пальцы при счете, сначала завтракать, а затем умываться, воду пить не из крана, а исключительно из бутылки, считать, что чистые волосы – это уже прическа, после еды не говорить «спасибо», кипятить воду в микроволновке, прилюдно сморкаться, а цветы получать только на собственные похороны... Список бесконечен. Не об этом я мечтала, когда бросала работу, друзей и переезжала в чужую страну. Я думала, что здесь, в новых условиях, чувства расцветут, а они завяли и умерли. Я мечтала попасть в сюжет «Золушки», а вместо этого меня окунули в «Новости спорта» и «Телемагазин на диване». Понимаете, я хочу волшебной любви, жизни как в сказке... то есть, чтобы я и тот, кого я выбрала, своей любовью превратили жизнь в сказку.

Синьор Валентино поднял указательный палец:

– Давайте вспомним условия прежней сделки. Вашей целью было найти свою половинку, при этом вы желали, чтобы все стало по-другому, и надеялись, что «по-другому» – лучше, чем было. Желание исполнено в точности, оговоренная плата получена, и вы просто не представляете, насколько близко подошли к главной цели.

Только сейчас Георгий понял, что понимал разговор, а это значило, что говорили по-русски. Автоматически вылетело:

– Здравствуйте.

Его присутствие заметили. Глаза, что ввергли в ступор, оглядели ничем не выделявшиеся рост Георгия, одежду, внешность... и застыли, когда взгляды встретились.

Два человека поняли, что нашли друг друга. Словно соединились две половинки единого целого. В лавке вспыхнула и перегорела лампочка.

– Но-но, потише, господа, не надо столько эмоций. – Синьор Валентино восстановил освещение хлопком в ладоши. – Ваши новые желания исполнены, и вы оба пришли к главной цели жизни, пусть даже не догадываетесь об этом. А цену вы знаете.

Он еще раз хлопнул в ладоши, и лавку заволокло туманом.

Вокруг равнодушно сновали люди, глазели по сторонам туристы, тянули прохожих за руки смуглокожие зазывалы. Георгий и женщина, которую он искал всю жизнь, пришли в себя уже на улице. Снаружи ничего не изменилось. А для них изменилось все. Он понял, что плевать ему на конкурсы и на все романы вместе взятые, жизнь потеряла смысл без той, которую только что обрел. Ему хотелось быть с ней отныне и навсегда. После разочарований, ошибок и боли потерь в нем проснулась надежда на счастье...

Будто кувалда в висок прилетела. Надежда на счастье? Н а д е ж д а?!

Он бросился обратно:

– Синьор Валентино!

Удары в дверь ни к чему не привели. Магазины Санто Валентино выглядели так, будто не открывались лет пятьдесят: пыль, грязь, исписанные из баллончиков витрины, а внутри – тьма. Таким же заброшенным он выглядел перед парой, которую не пустили.

Рядом с Георгием стояла та, о которой мечтал, по ее щекам текли слезы. Она тоже все поняла.

Часть первая. Красная Шапочка, сын мельника и заморский принц

*А теперь, честной народ,
Вьнь-ка рожки из бород!
Чай, у нас не панихида,
А совсем наоборот!*
(Леонид Филатов «Про Федота-стрельца»)

Глава 1. Красная Шапочка

Ее звали Улька, но все говорили просто: Красная Шапочка. Думали, она умом двинулась. Пусть что угодно думают, но голову Красная Шапочка покрывала совсем по другой причине. Сын лавочника помнил ее длинноволосой красавицей, и попасться ему на глаза с куцыми облезлыми клочками... проще утопиться. А все папа. Но папу винить нельзя, у него так жизнь сложилась.

– Вырастешь – поймешь, – говорил он каждый раз, когда напивался.

Папа был строгим и вспыльчивым. Он никогда не играл с Красной Шапочкой, не возился, как другие папы с другими детьми. Он только воспитывал.

– Улька! А ну поди сюда, сейчас кое-кто ремня кое за что схлопочет...

Ремнем воспитание и ограничивалось, потому что воспитывать примером папа не мог. Пример он подавал только отрицательный, а правильные слова, если с подаваемым примером они не сходились, Красная Шапочка всерьез не воспринимала. Так сложилось, что она даже называла папу на вы:

– Папа, вы зачем с лучиной в сарай поперлись, там же сено...

Пожар она в тот день потушила, а шикарные волосы, свою гордость, спалила почти до корней. С тех пор и получила прозвище – от тех, кто не знал, что скрывалось под вязаной шапочкой.

Папа часто бил маму ни за что, хотя ему так не казалось. Он причину видел, а Красная Шапочка и мама не видели. Это стало уроком на всю жизнь: мужчины видят глубже и дальше, потому что они сильнее. Верность выведенного умозаключения подтверждал каждый прожитый день. Но иногда Красная Шапочка полностью поддерживала папу, особенно когда денег у него не оставалось даже на стаканчик горькой. Папа словно с ума сходил, и оставалось только прятаться где-нибудь в лесу и надеяться на лучшее. Лучше бы нашлись деньги, ведь пьяный папа – почти святой. Ну, когда уже лыка не вяжет. В таких случаях в нем просыпались лучшие стороны, он всех любил и хотел облагодетельствовать. Не успевал. Он засыпал, а утром все начиналось заново.

Папе не давало покоя прошлое бабушки. Бабушке, в отличие от мамы, с замужеством повезло, брак с дедушкой в свое время принес ей богатство и титул, а также шутовское прозвище владычицы морской – оно пошло от острого на язык дедушки. Как-никак, бабушка была замужем за адмиралом. Прошли годы. Сейчас ничто не напоминало о блистательном прошлом. Когда дедушка помер, богатство быстро рассосалось, остались только покосившийся домик, разбитое корыто да слухи один другого неправдоподобнее. Вплоть до того, будто бы дед-адмирал умел с рыбами разговаривать, а те его желания исполняли.

Страшно хотелось есть. Обидно, еда – вот она, с собой, только руку протяни. Мама послала Красную Шапочку к бабушке с пирожками – скорее всего, чтобы убереечь дочку от папы, который раздобыл где-то бутылку самогона и рассчитывал на приятный вечер. Приятный, увы, не для всех. Поручение стало спасением, Красная Шапочка даже ужина не дождалась – схватила приготовленную корзинку и была такова.

Красной Шапочке строго-настрога запретили есть пирожки:

– Это для бабушки, у нее зубки слабые, поэтому пирожки мы для нее делаем особые – мягкие, рассыпчатые, чтобы на языке таяли. А тебя бабушка обязательно чем-нибудь угостит.

Это сказала мама, а сюсюканье, как с маленькой, понадобилось, чтобы смягчить слова папы:

– Тронешь – убью.

Бабушка, конечно, чем-нибудь угостит, но сначала это что-то придется приготовить: замесить тесто, приготовить начинку, растопить печь... Даже травяного настоя заварить –

сколько же времени понадобится, пока вода закипит? В фантазиях иногда представлялось, как чайник моментально становится горячим... и сам гасит под собой огонь! И дрова чтобы сразу давали тепло, а не через нестерпимо долгое время, за которое голодный человек помрет от ожидания.

Размечталась. Только в сказках все делается «по щучьему велению, по моему хотению», а в настоящей жизни для результата нужно потрудиться.

Кроме труда в мире существовали чувства. Так вот же оно, спасение! Что есть главное оружие женщины, пусть даже начинающей, если не чувства? Красная Шапочка любила бабушку, а бабушка, конечно же, любила ее. Что сделает бабушка, когда к ней заявится голодная внучка с пирожками? К гадалке не ходи: пока готовится ужин, она угостит принесенным в подарок пирожком! Зачем же ждать? И вообще: одним пирожком больше, одним меньше...

Мягкое тесто действительно таяло на языке, а начинка – нежная, с очаровательной горчинкой – обволакивала и исчезала в горле как по волшебству. Рука вновь потянулась в корзину. В конце концов, бабушке не пирожки важны, ей нужно внимание. Заглянула внучка хотя бы ненадолго – вот бабушке и радость, а с пирожками или без – без разницы. Лучше Красная Шапочка поможет бабушке ужин на двоих приготовить. И помощь будет, и ужин. Чудесный план.

План. Папино слово. У него полно всяких планов, и ни один не доведен до конца. Наверное, вместо «плана» лучше сказать «мечта». Мечты Красной Шапочки почти не сбывались, и все же они осуществлялись чаще, чем папины планы.

Постепенно на дне корзинки остался один пирожок. Грустный вздох никак не повлиял на знакомство последнего из пирожков и желудка.

Любопытно, из чего же сделана начинка. Из мяса? Тогда вопрос: откуда в доме мясо? Курицу в последний раз ели год назад, а зайца – в позапрошлом, и то лишь потому, что бедная животинка от папы убежать не смогла, настолько старой оказалась.

Похоже, начинка не мясная, вкус не совсем тот. Грибная или рыбная? Не понять. Ну, мама и учудила. Или сегодня папа пирожки пек? Редко-редко, но бывало, что на него накатывало вдохновение. В такие счастливые для семьи дни он то крышу чинил, чтобы на голову за обедом лить перестало, то, вот, пироги собственноручно пек на радость ближним. Когда папа за что-то брался, он все делал основательно, на совесть.

В том числе и пил. Правда, «на совесть» в этом случае не подходило, пьяный папа и совесть между собой не стыковались. Но «основательно» – да, не поспорить. Наверное, мама в свое время выбрала папу именно за основательность. Или маму никто не спрашивал. Замуж ее отдали в пятнадцать лет. Кстати, Красной Шапочке сейчас уже больше. Если бы не обожженные волосы...

Тренькали и заливались присвистывающими руладами невидимые птички, в высоте шумели деревья, ярко светило солнце, отчего на душе все распушалось и благоухало. Красная Шапочка любила лес. Бабушка жила между морем и опушкой, там же проходила дорога из заграницы в столицу, по ней кого только не носило. Папа не раз говорил, что домик расположен очень удачно: сразу и лес, и море, и деньги мимо ходят в неисчислимом количестве. Можно открыть трактир или гостинный двор. Идей, как заработать много и сразу, у папы всегда было много, а на достатке семьи его таланты почему-то сказывались в худшую сторону. Сын мельника, оставшийся без мельницы – незавидная судьба. Хорошо, что дядя Гаврила нанимал папу для перевозок.

– Что рассыпалось, то обратно в мешок с телеги не соскребай, лучше Ладе своей отдай, она какой-нибудь колобок дочке слепит, – говорил дядя Гаврила.

Сказано – сделано. Оттого у папы каждый раз все сыпалось и сыпалось из каждого мешка. Мука в доме не переводилась, и кроме колобков хватало даже на такие вот пирожки для бабушки.

– Привет, Красная Шапочка, – раздалось над ухом.

Она вздрогнула и оглянулась.

Нехорошо так незаметно подкрадываться к людям, когда они кушают или задумались. Тем более нельзя, когда то и другое вместе.

Перед ней стоял серый волк.

– Я несу бабушке пирожки. – Она поглядела в пустую корзинку и еще раз вздохнула. – Несла. Но лучший мой подарочек – это я. Бабушка все равно будет рада. Серый, отвези меня к ней, пожалуйста! Ну пжа-а-аалста!

Красная Шапочка округлила просящие глазки и пару раз быстро моргнула. Волк – зверь мужского пола, ему не устоять перед что-то замыслившей женщиной, пусть даже несовершеннолетней.

А точно ли мужского? Она присмотрелась к встреченной посреди леса зверюге. Волк выглядел странно. И это мягко сказано. Уши у него были... не передать словами. Огромные, каждое в размер головы. В детстве мама сшила мягкую игрушку с такими ушами, но глаза у той зверушки были другие, добрые-предобрые. А у волка...

– Почему у тебя такие большие уши? – Красная Шапочка медленно отступила назад.

– Чтобы лучше слышать тебя.

Все верно, волк прав. А большие глаза – чтобы лучше видеть. А большие зубы...

Про них Красная Шапочка додумать не успела, чудовищного размера челюсти раскрылись, и жаркая пасть всосала ее в себя целиком, вместе с шапочкой и лаптями. Как надеваемый через голову длинный свитер, Красную Шапочку окутала непроглядная тьма и стала заталкивать во что-то жуткое и противное. Мир – яркий, радостный, с птичками и солнышком – остался далеко за острыми клыками, словно кто-то захлопнул ставни единственного окна.

Красную Шапочку съели?!

Это была последняя мысль. После нее – только ощущения, будто бы что-то хватало, тащило и перекручивало, растворяя в бесконечном ужасе.

Глава 2. Сын мельника

По лицу хлестали ветви, слепили пробившиеся сквозь кроны прямые лучи. Лес будто ополчился против Данилы. То огромное дерево поперек просеки не пойми откуда свалится и путь перегородит, то, как здесь, листва настолько мощно разрослась, что чуть не скидывала всадника с лошади.

Данила не обращал внимания. Грудь пучило предвкушением, мечты перестали быть чем-то призрачным и далеким, они превратились в планы и обзавелись сроками. Один взгляд на солнце – и на душе разлилась патока: к этому времени все должно быть кончено. Лучше бы подождать еще, но он не мог ждать и лишь сильнее пришпоривал коня.

Сколько бы старуха не отнекивалась, но не может быть, чтоб не припрятала чего-то на черный день. У нее столько всего было – нормальному человеку за тысячу жизней не потратить, а имеющему воображение – за десяток.

На воображение Данила не жаловался.

– Ведь все с собой в могилу утащит, карга старая, – не раз жаловался он жене. – Лучше бы о детях подумала.

Когда умер отец Данилы, старшему сыну – Гавриле – он завещал мельницу, младшему – Ваньке – оставил свои лучшие сапоги да жутко породистого кота. Узнав цену будущих котят, на кота возложили невероятные надежды. Увы, тот только жрал да спал, причем жрал больше хозяев и только особенные продукты, за которыми для него в город ездили. Все надежды рухнули, как говорится, тому же коту под хвост: хозяин своенравной кошечки такой же породы послал Ваньку проверить у лекаря, почему от его производителя котята не рождаются. «Цвай яйцен клац клац», – мудрено объяснил заезжий лекарь. Хорошо, что одновременно жестами показал, чтобы все поняли. В общем, со временем так и помер котик, не оставив потомства, и только проданные сапоги принесли кое-что младшему из братьев. Ванька, и без того умом не блиставший (о чем говорила, к примеру, история с котом) с тех пор совсем спятил, стал на людей кидаться и, в конце концов, попал в богоугодное заведение, где и ныне обитал за крепким забором под именем Иван-дурак.

Средним был Данила. Ему в наследство достался осел. Намекал, что ли, дедуля на что-то? Неужели рукастому мужику, который из одного пня две табуретки вытачивал, нельзя было что-то большее дать? Оттого и запил Данила.

Женитьба на юной красавице Ладе, дочке покойного адмирала, поправило дела. В придачу к имевшемуся ослу приобрели еще пару, затем коня... Работой обеспечивал старший брат. Данила взял у него подряд на доставку. От заказчиков возил зерно, обратно – готовую муку. Выпивать, однако, не перестал. Сначала продали одного осла. Потом другого. Третьего. На очереди – конь.

Каурый старенький Дормидонт – последнее, что осталось. Требовалось принимать срочные меры. План созрел в голове давно, оставалось выбрать из нескольких возможностей да решиться.

Дочке он скажет, что услышал про болезнь бабушки, спешил, но, к сожалению, не успел. Лада, конечно, все сразу поймет, она прекрасно разбирается и в пирожках, и в смертях, и в причинах, и в следствиях. И что же? Куда ей деваться? Примет как должное. А время все расставит по местам и докажет, кто был прав.

Резко натянутые поводья заставили Дормидонта встать на дыбы и едва не опрокинули. На полянке над бездыханным девичьим телом навис незнакомец в доспехах. Коня поблизости не видать. Значит, это не драконов гридень, те пешком не ходят. И в одиночку они стараются не передвигаться – люди власть уважают, но слуг любой власти почему-то на дух не переносят, оттого время от времени и пропадали посланцы дракона бесследно.

Тогда кто же это? Странствующий витязь, что дал обет помощи страждущим? Тоже должен быть конным. И поведение не соответствовало: обязан бы помогать, а не наоборот. Скорее всего – тать лесной. Хорошо, что один, иначе Даниле несдобровать.

Сердце сдавило и едва не остановилось: девочка была в красной шапочке.

Тать еще только оборачивался, когда Данила выхватил из-за голенища нож и прыгнул с седла.

Незнакомец не ожидал нападения. Он вообще не обращал внимания на подъезжавшего всадника – весь сосредоточился на распластанной жертве. Меч оставался в ножнах, щит валялся в траве, на поворачивавшемся безбородом лице застыли вопрос и удивление.

До цели оставалось где-то с локоть, когда противник среагировал на опасность. Он повернулся, откинулся спиной на траву, поднятая нога попала летевшему сверху Даниле в живот и перекинула по воздуху, отправив в полет к ближайшему дубу. Встреча головы и ствола ознаменовалась искрами в глазах и полной свободой сознания.

Когда хоровод цветных точек сошелся в одну, в ней находилось направленное в лицо острие меча.

Данила вспылел:

– Ты что с девкой сотворил, нелюдь?!

Говорить таким тоном, лежа безоружным перед противником, было опасно, но как еще говорить с убийцем-насильником?!

– Ничего не творил. Шел по лесу, гляжу – валяется. Именно в таком виде. Нагнулся посмотреть, чем ей помочь, а тут ты с коня прыгаешь. За разбойника меня принял?

Данила пошарил рукой в траве. Ни камня, ни палки. Незнакомец заметил его движение, резкий холод клинка уперся Даниле в горло:

– Не дури. Говорю же, я ни при чем. Успокоился? Меня Егорием кличут, суженую свою ищущу. А ты кто?

– Данила-мастер из Вторых Погорелок. К морю еду, по делам.

Острие отодвинулось от шеи.

– Ты меня не убьешь? – спросил Данила.

– А есть за что?

Данила поднялся, в глаза бросилась корзинка.

Пустая. Подарок теще не дошел до назначения.

– Прости, тороплюсь. – Данила покосился на лежавшее в траве тело. Безжизненное лицо дочки застыло в страшной гримасе, из оскалившегося рта текла серая пена. – Ты тут как-нибудь сам, ага?

Уже не помочь. Бедная глупая Улька. Как была непослушной дурой, так и померла. Точнее, от того и померла. Потому что старших не слушала. Дети, ну хоть иногда слушайте родителей, они же на вашей стороне и плохого не посоветуют.

Данила вскочил на коня, круто развернул его и помчал в обратную сторону. Егорий – мужик хороший, он всего лишь хотел помочь Ульке. Данила вспомнил разговоры про отважного витязя, который помогал слабым и всегда держал слово. Его прозвали Егорием Храбрым, а встречу с ним считали хорошей приметой. Егорий Ульку и похоронит. А Даниле теперь нужно бежать.

Есть другой выход. Убить Егория и все свалить на него.

Отличный план. Но невыполнимый, как все до единого планы Данилы. С Егорием в прямой схватке не справиться, Данила проиграл, даже когда со спины прыгнул. И что такое нож против меча и доспехов?

Остается одно. Бежать.

Встает вопрос: куда? От того, кто родственницу пытался на тот свет отправить и собственными руками дочь погубил, даже братья отвернутся. Наняться батраком? Гребцом на

корабль? Лучше уж к Будимирычу податься, там и слава, и окружающие глядят со страхом и уважением, и мошну можно за день набить так, что другому за год не нагорбатить.

Жаль, у Будимирыча сейчас неприятности, опять прижали его шайку-лейку, слухи про облавы даже в Погорелки доходили.

А если придумать неизвестного убийца-наильника и свалить на него? Мало ли, кто по лесам шастает. Можно сочинить замечательную историю: застиг, мол, супостата на месте преступления, бился насмерть, но не одолел и едва ноги унес. А дочку не уберег.

А если дойдет до разбирательства? Труп покажет, что скончалась Улька не от ножа или побоев. А пирожки пек Данила. Выходит, лучше молчать, нет трупа – не будет и неприятностей. Можно объявить, что вообще неизвестно, куда она подевалась. Сбежала из дома. Даже поискать можно для виду.

Все бы хорошо, но Егорий жив и здоров, и если некстати объявится... Слово Данилы против слова Егория – кому поверят? Егорий – личность известная, от него грязь как от масляной сковородки отваливается, и чтобы запачкать, нужно потрудиться. Сделать вид, что «моя хата с краю, ничего не знаю» не то чтобы невозможно, но потребуются время и желание, а там, где человек не справится, помогут боги. Из двух необходимых частей – желания и времени – первое у Данилы превосходило все мыслимые границы, но второе своим отсутствием напрочь перечеркивало первое.

И Ладу не проведешь, она сразу раскусит, кто виноват. Сердцем почует.

Те же ветки хлестали теперь с другой стороны, солнце било в спину, и Данила несся вперед... точнее, назад, по черноте собственной тени. Среди яркого дня – по бесконечной темной полосе. Бывает же. Может, и в жизни сплошная черная полоса – оттого, что к свету задницей жил?

Деревня вынырнула из-за деревьев внезапно, дом Данилы – крайний, что здорово, ни с кем лишних разговоров вести не придется. Не те сейчас время и настроение, чтобы с соседями виды на урожай обсуждать. Однако обстоятельства заставили Данилу миновать собственный дом и проехать дальше, к колодцу, где зачем-то собрались все деревенские жители. Происходило что-то значительное. Не настолько, как в судьбе Данилы, но причину узнать стоило.

Толпа окружила глашатая в расшитом кафтане и колпаке с изображением крылатого змея. Рядом внимательно поглядывали по сторонам два конных гридня-охранника в полном вооружении – с копьями в руках, при мечях и с притороченными к седлам луками. На остроконечных шлемах и щитах красовался тот же крылатый змей.

– Люди великого государства! – громко зачитывал посланец дракона. – Слушайте и не говорите, что не слышали, и передайте тем, кто работает или болеет.

В толпе Данила заметил жену. Сейчас, перед расставанием, Лада в вышитом сарафане и платке показалась такой щемяще родной и необходимой...

Без нее будет трудно. Но с ней – невозможно.

– В славном городе Гевале, – разносился четкий голос глашатая, – объявляется ратный сбор всех, кто готов отстоять честь родного дракона от заморских посягательств...

На подъехавшего Данилу недовольно обернулись. Он развернул коня. Дальше можно не слушать, главное понятно. Губы сами собой растянулись в улыбке. Скоро будет война, а война – это возможность заработать как праведными путями, жертвуя собой ради отчизны и командиров, так и не очень праведными. Последнее проще, ощутимее и безопаснее.

Как же вовремя все происходит. Понадобилось бежать – вот тебе цель и направление. Все же, боги на стороне Данилы. Нужно сделать им подношение. Только заранее продумать, что просить. С ними ведь как? Не так сказал – и мучайся до конца жизни с тем, что получил по собственной глупости. В таких случаях говорят «заслужил». Странное слово. Про одного скажут – и понимаешь, что жил человек честно, порядочно, слова своего не нарушал, то есть

действительно заслужил. А про другого скажут «заслужил» – и скривятся с брезгливым презрением, и всем понятно, что имелось в виду.

Данила кинул поводья на покосившийся плетень и, не снимая сапог, вошел в дом. В нос ударил запах свежих щей. И когда Лада все успевает? Сокровище, а не баба, была бы чужая – цены бы ей не было. Темная коса толщиной в руку, милый взгляд, нежные щеки... В общем, все у Лады ладное: и лицо, и фигура, и характер. А за годы совместной жизни стала хуже редьки. Не понимает, что если душа просит стопочку – нельзя поперек лезть, только хуже будет.

С порога донеслось:

– Данила, пожалел бы коня, весь в мыле.

Лада прибежала, едва увидела вернувшегося Данилу.

– С Улькой беда. – Он осмотрелся неожиданно новым взглядом: все вокруг стало чужим, даже сделанное своими руками. – Прохожий мужик сказал. Срочно лекарство нужно. Тащи все ценное, что осталось.

– Так ведь ничего не осталось. Что же делать-то, Данилушка?

Дура, как все бабы. Данила отпихнул ее, чтобы не путалась под ногами, сорвал со стола скатерть и стал кидать туда все, что можно продать: посуду, тряпки, восковые свечи...

На первое время хватит, а у солдат все за казенный счет. А после победы...

– Может, у Гаврилы занять? – Лада глядела на него потерянным взглядом, как ребенок, который узнал, что добрых волшебников не существует.

За Ульку Лада и себя продала бы. И Данила продал бы, да кто ж здесь ее купит? А с собой не потащишь, в пути она обо всем догадается, и вместо войны попадет Данила на виселицу.

– Некогда. – Он обнял жену и неловко ткнулся губами в прохладный лоб.

– Будто прощаешься. – Лада что-то почувствовала. – Данилушка, ты что-то недоговариваешь. Все очень плохо?

– Я все улажу и вернусь. Жди.

Глава 3. Заморский принц

Властительница помыслов. Отрада для глаз. Соловей зачерствевшей души. Какими только эпитетами ни награждал Борис Елену, когда от случайного прикосновения в груди пели птицы и сердце сжималось, будто на него конь наступил.

Ничто не предвещало событий, перевернувших мир с ног на голову. Или наоборот – с головы на ноги? Для Бориса очевидным было второе. Раньше он не знал зачем живет, за жизнь принимал громкие слова о величии, а приказы отца ставил выше собственного счастья. Все изменилось. Зрелая красота Елены потрясла его, изменила мировоззрение. Он считал женщин пустышками, что годились лишь для отдыха после битвы. С Еленой расставаться не хотелось. Она вспенила мозг, в глазах плясали красные пятна, в животе играла свирель.

Отдать дракону? Елену?!

Дракон приказал Борису взять двух гридней и отправиться за новой девушкой: «Найти и привести самую лучшую на свете». К заданию прилагалось дополнение, где вводились не менее расплывчатые определения «прекрасная» и «особенная». Как сочетать последние два взаимоисключающих понятия, Борис не знал. Красота везде одинакова, красота – это когда каждая часть тела совершенна и разница только в росте, цвете волос и прическе. А слово «особенная» подразумевало отличие от всех прочих. С какого конца начать: собрать прекрасных и выбрать ту, что выделяется больше других, или искать красивую среди особенных? Здравый смысл подсказывал, что это будут разные женщины. Наличие двух кандидатур перечеркивало первую часть требования: привести «самую лучшую». Но главное – вторая его часть, «лучшую». Как определить «лучшесть»? Лучшую – в каком смысле?! Ничего себе распоряженьице.

Слух про новеньких, поселившихся на чертовом болоте, принес сельский житель. Сам же вызвался отвести. Девушка, говорил, просто чудо. Умница и красавица, каких свет не видывал. «Девушка-цветок». А еще селянин намекал на ее божественное происхождение.

Понятно, помощь оплачивается, и если посланцы дракона не возьмут чужую – могут забрать свою, потому местные и лезут из кожи, чтобы угодить. И рожа у добровольного проводника уж больно разбойничья. Как бы в западню не завел.

Все время держались начеку, друг друга прикрывали, проводника от себя не отпускали. Болота миновали с трудом. Несколько раз кто-то падал с тропы, вытаскивали общими усилиями. А проводник чувствовал себя как рыба в воде. Еще и напевал в пути, а голос у него – заслушаешься, даже забываешь, куда и зачем идешь.

Борис не верил, что рассказ местного жителя окажется правдой. Не ожидал увидеть такую красоту. Собственно, вовсе не красота поразила. А что тогда? Бездонные глаза – мечущиеся в отчаянии и все равно звавшие к любви, потому что не умели быть другими? Правильная фигура, где все на своем месте и просится в руки? Чеканный профиль, что подошел бы богине? Может быть, она и есть богиня? Боги стараются не вмешиваться в дела людей, но «стараятся» не значит, что не вмешиваются. И полукровки периодически появлялись. Борис лично не встречал, но слухи на этот счет ходили упорные.

Как только болота закончились, проводник заставил всех укрыться в яме за кустами:

– Девицу охраняет страшный оборотень. Обычно он ничем не отличается от человека, но едва решит, что ему или опекаемой девице что-то угрожает, все меняется: он обращается в чудовище, и все живое вокруг погибает. Даже цветы вянут. Девица-краса тоже страдает от этого. Мы доброе дело сделаем, если спасем ее от чудища лесного.

– Как узнаем, что оборотень отлучился? – спросил Борис.

– Нужно дождаться, когда он отправится за дровами.

Прошло несколько долгих часов, прежде чем стук топора возвестил, что время действовать настало.

Дошли быстро, проводник указал на мелькнувшую среди деревьев крышу избушки:

– Там.

– Федот, присмотри за ним, – распорядился Борис насчет проводника.

Со вторым гриднем они прокрались к избушке и с веревками и кляпом ворвались внутрь.

Дело спас напарник, иначе Борис все бы испортил. Потому что ноги застыли на пороге, а руки опустились. Увиденное было больше чем чудом. Проводник прав, без богов не обошлось. Платье из невероятной материи открывало плечи и великолепные лодыжки... и даже выше, что невероятно. Допустим, это домашняя одежда, ведь чужие здесь не ходят, и никто не увидит. Как же тогда выглядит выходная?!

А обувь – непредставимая, на высоком тонком каблучке? А взгляд? А губы?

И цветок на плече.

Прекрасная и особенная. Не юная и смазливая, каких сразу представляешь, когда надо выбирать на вкус дракона. Скорее, ровесница Бориса – лет под тридцать, а то и больше. У красивых женщин внешность и возраст никак не соотносятся.

Ничего лучше нельзя представить. Проводник получит свою награду.

Кляп, залом, веревки... Добычу Борис нес перекинутой через плечо, напарник прикрывал.

Проводник торопил:

– Уходим. Оборотень быстр, как рысь, и драться горазд, словно его боги учили. Догонит – порвет в клочья. И копьё кидает, будто с ним родился.

– А Борис – лучший лучник в драконовой дружине, – высокомерно выдал Федот.

И все же они не мешкали.

Проводник сначала прятал рожу от жертвы, но около елки, куда вышли для отхода за болота, испуганный женский взгляд уперся прямо в него. Тот развел руками: я, мол, человек подневольный и вообще тут ни при чем, это все драконовы слуги.

Проводник сказал, что ее имя – Елена. Елена Прекрасная – сразу назвал про себя Борис. Сначала она мычала и брыкалась, но кляп и веревки делали свое дело. Будущий подарок дракону смирился с неизбежным.

В дороге через болота Борис никому не отдал Елену, нес бережно, как хрустальную. На островках, где останавливались отдохнуть, следил, чтобы ей было удобно. Даже пути немного ослабил. А когда остались два последних перехода, вообще снял. Но снял только веревки, потому что стоит Елене закричать, и отозваться может кто угодно. От оборотня ушли, но никому не ведомо, кто и что поджидает в раскинувшемся впереди лесу. Кляп, для надежности привязанный веревкой вокруг головы, остался на месте, в одно движение его не скинуть, даже имея свободные руки.

Но свободными руками можно было вытащить у Бориса оружие и угрозами принудить к чему-то. Он сознательно пошел на такой риск. Это было доверие и намек на общность судьбы: «Я не причиню тебе зла. Я хочу помочь. А если что-то произойдет, мы умрем вместе».

Борис оберегал Елену от тряски и от воды, на последнем островке разрешил полежать и прийти в себя. В ответ она бездумно тянулась к нему, как единственному, кто защитит. И он защищал. Когда Федот поднял на нее руку, чтобы поторопить, по воле Бориса чуть не остался без руки.

При выходе к лесу проводника вперед не отпустили:

– Против тебя ничего не имеем, твоя преданность дракону вне сомнений, но мы не верим никому. Это наша обязанность. Не отходи дальше, чем на два шага. Если впереди ждет засада, ты умрешь первым.

К твердой земле Борис нес Елену на руках. Его шею оплели покрывшиеся мурашками прохладные руки. Он вдруг почувствовал себя счастливым.

Она не могла быть простой женщиной, рожденной человеком от человека. Дракон хотел особенную – Елена была именно такой. Простая женщина не может не понимать, что распущенные волосы – это непристойно. Но русая грива Елены свободно развевалась, и если бы не руки Бориса, то волоклись бы через воду и грязь. Ни платка, ни даже косы, притом – детская непосредственность и непередаваемая чистота. Если добавить сюда сбивавшую с ног женственность, то смесь получалась невыносимая.

Искусительница с лицом ребенка. В груди холодело, руки непроизвольно сжимались. А в руках была она...

Елена словно не понимала, что делает что-то не так. Ее не смущали ни распущенные волосы, но голые ноги. Федот уже дважды оступался, заглядевшись на безукоризненные коленки, его вылавливали и, мокрого и грязного, вытаскивали на тропу. Но без помощи Бориса. Он держал Елену.

А когда ее волосы откидывались...

На плече иногда выжигают клеймо, потому в голову лезли нехорошие мысли. Ясно, что здесь – что-то другое, Елена никогда не была ни рабыней, ни каторжанкой. Ожоги и их последствия отсутствовали, кожа была чистой, но на плечо с шеи спускался невероятный алый цветок. С темным стеблем и зелеными листьями. Цветок был частью кожи, как загар или румянец.

Елена. Аленка. Аленький цветочек. Чудо, найденное в лесу.

Отдать дракону?!

Крамольная мысль засела занозой и лишила покоя. Борис отбрасывал ее, она возвращалась с подругами. К «не отдавать» пришли в гости «украсть» и «бежать». И не собирались уходить.

На выходе из болот были приняты все меры предосторожности, но, к счастью, снаружи никто не поджидал. Это радовало: шалопутный взгляд проводника и весь его жуликоватый вид с самого начала навевали нехорошие мысли. Впереди, насколько помнил Борис, тропа вела через опасные дебри, засаду можно ждать на любом участке. Коней, чтобы не бросать в лесу перед уходом в болота, оставили на ближайшем постоялом дворе, до него добираться почти сутки. В дороге придется ночевать. Довезет ли Борис Елену живой и невредимой? Второй вопрос: нужно ли так безответственно рисковать ради драконовой прихоти? Отсюда вытекал третий вопрос: что делать?

Ответ не понравится ни дракону, ни отцу Бориса.

Для передвижения через лес вытянулись в цепочку: проводник прокладывал путь, за ним шли двое настороженных гридней, один с обнаженным мечом, второй с луком наизготовку. Замыкающими двигались по тропе Елена с опекавшим ее Борисом. Через несколько шагов он сдвинул Елену рукой в сторону, натянул лук, и две стрелы поочередно нашли свои цели. На малом расстоянии граненый броневой наконечник пробьет любые латы. К тому же, Борис знал слабые места доспехов своих сослуживцев.

Третья стрела осталась на месте – пока Борис справлялся с гриднями, проводник сбежал. Только что был – и нет его, будто растворился. Лесной житель, не иначе. Наверняка, соврал, что селянин. В первую очередь надо было проверить место жительства доносчика, а не желанный и так волшебным оправдавшийся слух.

Жаль, что так вышло. Свидетеля оставлять не хотелось. Теперь дракон точно узнает, кто украл у него добычу. А в замысле все было так просто и безупречно...

Борис освободил Елену от кляпа.

– Прости, не мог вынуть его раньше, – он выбросил тряпку и веревку, – на меня уже косились и могли заподозрить. Теперь все будет хорошо. Только не кричи, могут услышать не те, кто в состоянии помочь. Я уверен, что впереди нас ждет засада, туда идти нельзя.

Предчувствие не обмануло. Едва сошли с тропы, как до боли знакомые свистящие звуки заставили Бориса толкнуть Елену и упасть сверху, закрывая собой. Там, где они только что стояли, пронеслись стрелы.

Стреляли спереди. До собственной смерти Борис не дошел всего с десятков шагов. Если бы не решение бежать с Еленой...

Он вскинул лук и ответил несколькими выстрелами. Противники не видели друг друга, и Борис использовал передышку, чтобы утащить Елену глубже в чашу.

– Бежим, – тихо бросил он.

В своей неопикуемой обуви на каблуках-гвоздях она не могла бежать, такая обувь предназначена для дворцовых залов, а не для леса.

– Сними, – прошипел Борис.

Она повиновалась безропотно. Понимала, кто спаситель, и что ждало впереди, опоздай он хоть на миг.

Держась за руки, они пронеслись по траве до местечка, где можно устроить ответную засаду.

– Сиди тихо. – Борис рукой пригнул Елену, чтобы она опустилась между корней огромного дуба, а сам с луком остался наблюдать сквозь листву и ветви.

Вскоре с обеих сторон послышалось движение. В таком лесу бесшумно не пройдешь, сухие ветки, листья, чешуйки коры – все издавало звуки, пусть самые тихие, но в тишине подобные грому. Борис выстрелил поочередно влево и вправо. Два вскрика прозвучали почти одновременно. Левый противник упал, правый со стоном и руганью отполз обратно в глухую чашу.

Около щеки Бориса просвистело. Он пустил стрелу ответно. Не зря ему присвоили титул лучшего лучника, за деревьями раздался еще один вой, жуткий, будто человека медленно резали. Для стрельбы на слух результативность просто невероятная, ни одна стрела не пропала даром. Пора воспользоваться плодами.

– Бежим.

Борис вновь потащил Елену за собой. Лишь когда она всхлипнула, до него дошло то, о чем не думалось в пылу боя: по корягам и колючим веткам он бежал в сапогах, а она босиком.

– Теперь идем осторожно, – приказал он, уводя Елену вправо от линии, по которой они уходили от погони до сих пор.

Мягко наступая, они выбрали новую позицию-укрытие, откуда просматривался прежний путь. По их следам осторожно двигались двое. Лучше сказать так: заметны были двое, остальные могли обходить стороной или отстать и идти где-то позади.

– Хватит, – один из преследователей резко остановился. – Она того не стоит.

Разглядеть говорившего было нельзя, мешала листва. На голос проводника не похоже. Борис натянул тетиву.

Осталось три стрелы. Что если эти двое – не последние?

– Двоих потеряли, Тит ранен. Я дальше не пойду.

– Мы их почти поймали!

Борис удовлетворенно выдохнул, сместил прицел на голос, который узнал, и выпустил стрелу.

– Ты говорил то же самое, когда нас было шес...

– Гроб тебе в глотку и кикимору в жены! – взвопил подстреленный проводник.

Вряд ли ранение вышло смертельным. Следующую стрелу Борис послал опять в проводника. Но тот, тертый калач, уже распластался по земле и, судя по звукам, отползал в чашу. Его напарник мудро поступил также.

Двое убиты, двое ранены, один отказывается драться дальше. Всего, как выяснилось из разговора, шесть – значит, где-то затаился еще один. Если шестой не трус, то сейчас должен обходить сзади.

– Бежим. – Борис толкнул Елену в ту сторону, откуда уползли двое, и помчался, прикрывая собой.

Стрела ударила над закинутым за спину щитом в защищенный бармицей загривок. Мощностъ удара и звук подсказали, что наконечник обычный, дальностъ большая. Но стрелок отменный. Борис не рискнул обернуться, чтобы ответить. Они с Еленой миновали еще несколько деревьев, сменили направление и дальше бежали, не останавливаясь.

Темнело. Сквозь листву заглядывала луна, становясь все ярче по мере того, как небо тускнело. Преследователи отстали, потеряли след или прекратили погоню. Борис надеялся на последнее. Трое раненых и один сомневающийся при единственном полностью боеспособном воине – расклад в пользу беглецов. Главное, чтобы не застали врасплох. Нужно уйти как можно дальше.

Елена очень старалась. От успеха зависела жизнь. Обувь она давно потеряла, платье испачкала и в нескольких местах порвала. Ее ноги заплетались, ступни кровоточили и состояли целиком из ранок и мозолей. Смотреть больно. Да и некогда. Хотя желание присутствовало. Подол платья Елена приподняла и держала в руках выше коленок, чтобы ткань не мешала бежать. Голые коленки и развевающиеся волосы... Так бегают дети.

Елена походила на ребенка только чистотой лица и наивностъю взора. Остальное, до коллик притягательное и до помутнения сознания соблазнительное, выдавало в ней истинную женщину, которая хотела жить и любить.

Когда деревья начали редеть, Елена совершенно выбилась из сил. Борис молча подхватил ее на руки и понес.

Главное, не оступиться. Дремучий лес закончился, дальше шли через пролесок. Наступившая темнота не мешала. Луна давала достаточно света, мир казался призрачным, резкие тени заставляли вздрагивать. Если кто-то нападет, Борис ничем не ответит – оружие висело за спиной и в ножнах, руки были заняты. Но за этот миг с занятыми руками он готов был отдать жизнь.

В конце концов силы кончились и у него. Елена расцепила обвившие его шею руки, оба вытянулись на земле. Ноги гудели. Сердце колотилось, как запертый в темницу бесноватый, и также просилось на волю.

– Куда мы идем? – донеслось от Елены.

Впервые услышанный голос полностью соответствовал божественному образу и разлился по душе Бориса, как мед по гортани. Больше ничего не хотелось, только вот так лежать рядом и слушать. Но Елена ждала ответа, и Борис нехотя выдавил:

– К моему отцу, другого выхода нет.

– У меня есть жених. Вы украли меня. Я должна вернуться.

Совсем не эти слова хотелось услышать Борису.

– Тебя отдали дракону, – сказал он. – Оттуда не возвращаются. Я воспрепятствовал и, после того что натворил, для меня обратного пути нет. Тебе придется ехать со мной хотя бы для спасения жизни. Прости, неправильно выразился. Не придется. Я ни в чем тебя не ограничиваю, ты можешь сейчас же встать и уйти, я слова не скажу. Все, что я делал – это спасал тебя от дракона и лесных татей, и почти спас, хотя уверен, что погоня продолжается. Разбойников осталось мало, на рожон они больше не лезут, но вряд ли отступятся. Поэтому я сказал «почти». Еще мы можем нарваться на драконовых гридней. С ними-то я разберусь быстро, они примут меня за своего. Повторю еще раз: сейчас ты полностью свободна. Хочешь вернуться к своему, как ты его назвала, «жениху»? Пожалуйста, но проводить тебя я не смогу, это все равно, что добровольно шагнуть в костер. Кроме людей дракона и лесных татей позади ждет

болото, а дорогу через него знал только проводник. Кем он оказался, ты знаешь. Теперь хорошенько подумай над всем, что я сказал, и ответь на вопрос, от которого зависят наши с тобой жизни: ты поедешь со мной?

Елена молчала, что не предвещало ничего хорошего. Пока не прозвучало страшное, Борис вновь заговорил:

– Возможно, ты что-то понимаешь не так. Прости, я не мастер высокого слова и говорю что думаю, а это часто выглядит нелепо и может быть воспринято неверно. Пойми, я ничего от тебя не требую. Спрошу по-другому: ты готова помогать мне в пути, если я спасу тебя от дракона и лихих людей? Вот, теперь я выразил мысль точнее. И все равно не торопись. Прежде чем ответить, выслушай еще кое-что. Я никогда не применю к тебе силу. Я буду ждать, сколько понадобится. Мои родители спрячут нас, у тебя появятся возможности, о которых не смела мечтать. Все радости мира упадут к твоим ногам. Взамен я прошу одно: не мешать мне спасти тебя.

Прошло немало времени, прежде чем тихо донеслось:

– Я согласна ехать с тобой. – Елена помолчала. – Но только потому, что альтернативы нет.

Тело Бориса внезапно обмякло, и захотелось плакать. Он не знал слова «альтернатива», но смысл улавливался. С трудом удалось сделать взгляд строгим:

– Надо как можно быстрее добраться до моря.

Они шли всю ночь. Иногда Борис нес Елену. Оба молчали. Главное было сказано, остальное покажет жизнь. Только бы сохранить ее, эту жизнь.

Как бы хотелось, чтоб сестра Кася оказалась права. Много лет назад она предрекла ему перед отъездом за море: «Ты станешь драконом и умрешь за любовь».

«Отлично, – улыбнулся Борис. – Для этого мне придется жить вечно».

Наследник дракона – брат Виктор, поэтому отец послал к Кощею именно Бориса.

«А любовь будет настоящая – та самая, из сказаний и легенд, большая и чистая?» – продолжал улыбаться Борис.

В то время он не верил, что описываемое им чувство существует.

Кася хмуро кивнула и ушла к себе. Она с детства отличалась богатым воображением, а с недавних пор ее будто прорвало – пророчествовала о каждом, кого видела перед собой, и даже о тех, кого лично не знала. Конечно, ей не верили. Предсказательная дурь у нее началась после знакомства с иноземным чудиком. Красотой природа Касю не обидела, и одно время за ней волочился какой-то хмырь заезжий, подарками заваливал, витиеватые речи плел... Звали его, кажется, Ипполитом. Или Аполлиналием. Однако, Кася, не будь дура, сразу поставила условие: «До свадьбы – ни-ни». И сгинул тот Ипполит-Апполинарий несолоно хлебавши. А Касю с тех пор на всякую ерунду пробило: то, как Борису, любовь и смерть накаркает, то отцовского пса пожалеет, что, мол, болеет, хотя вид у того – дай боги каждому. Честно говоря, пес и вправду вскоре подох, но то возраст, а не сестренкино ясновидение. Скажи про любого, что тот умрет, и однажды тот действительно умрет. Чудеса ни при чем.

При расспросах Кася на полном серьезе заявляла, что, дескать, дар предвидения ей дал тот самый Ипполит-или-Апполинарий, а в качестве кары за строптивость заставил всех ей не верить. Фантазерка, однако.

А еще раньше она как-то объявила Борису:

«Ты предашь двух правителей и приведешь врага в соседнее государство».

«Как-как? – ухмылялся он. – Твои слова – да богам бы в уши! Врага в соседнее государство – это же здорово! Враг моего врага – мой друг!»

У Бориса иногда возникало ощущение, что сестра хочет донести что-то важное, а над ней смеются. А что же она хотела? Как еще реагировать на такие предсказания?

Скоро он вновь увидит Касю. «Ты станешь драконом и умрешь за любовь». Первому, конечно, не бывать, но про любовь он подтвердит – сестра оказалась права. Появление в его жизни женщины, за которую стоило умереть, перевернуло сознание. Домой Борис вернется другим человеком.

Когда на востоке порозовело, впереди раскинулась сверкающая гладь. Далеко слева виднелась мачта, с приближением к уходившему вниз крутому берегу показалась и вся морская посуда – идеально подходившая для целей Бориса рыбацья лодка. А главное...

Борт украшал не змей, а золотой единорог на красном фоне!

– Боги на нашей стороне.

Борис ускорил шаг, словно открылось второе дыхание, сладкая ноша в руках показалась пухом.

Лодка была большой: парус, четыре ряда весел, несколько широких поперечин для сидячих мест и огромный отсек для сетей и пойманной рыбы. Место для рыбы пустовало, сети сушились на берегу.

– Эй, рыбаки! – заорал Борис. – Подъем!

Из лодки поднялись сонные головы:

– Мы уже платили за стоянку.

Борис вспомнил, что на нем форма драконова гридня. Шлем и щит с крылатым змеем полетели в прибрежную гальку.

– Перед вами Борис, сын Куприяна. Если у вас на сегодня задуманы дела – забудьте, также забудьте про сети и прочее. Сей же миг везите меня к отцу. Обещаю, это будет самая выгодная работа в вашей жизни, на той стороне каждый получит лодку, снасти и деньги для найма команды.

Рыбаки бросились расправлять парус и вставлять весла в ключины.

Бориса и Елену разместили на носу, команда взялась за весла. Вода взбурлила.

После того как отчалили и лодка вышла после мелководья на морской простор, на берегу показались две бородатые фигуры: прихрамывавший проводник и высокий здоровяк – наверное, тот самый лучник. Из-за большого расстояния Борис не стал тратить стрелу. Оба разбойника проводили взглядом уплывшую добычу. Яснее ясного, что хитрый проводник вернется к личине сельского жителя и доложит, куда надо, о похищении. В его рассказе не будет засады на тропе, злодеем окажется вероломный предатель-гридень, сбежавший на корабле соседнего государства.

Ничего не изменить. Борис взял у ближайшего рыбака пропахший рыбой плащ и накинул Елене на плечи:

– Потерпи, осталось немного.

Он сел рядом и обнял ее, защищая от пронизывающей сырости. Елена не отстранилась от его рук. Это было здорово.

В лицо летели соленые брызги, пахло водорослями, небо затянули хмурые облака.

А на душе светило солнце. Служба окончена. Не так он представлял себе возвращение, но есть такой «закон разведчика»: успешный никогда не добьется славы. О тех, кто жил чужой жизнью, с трудом и риском вызывая величайшие тайны противника, легенды слагаются посмертно. Ставший известным живой разведчик – символ неудачи.

Глядя на Елену, Борис не считал себя неудачником. Жаль, что отец подумает по-другому. Он послал Бориса войти в окружение Кощея, втереться в доверие и вызнать секрет бессмертия. Нельзя сказать, что Борис возвращается ни с чем, и дело не в Елене Прекрасной. Удалось кое-что узнать. А если подать правильно, то «кое-что» превратится в небывалый успех. Борис сопоставил все, что люди знали о Кошее, и секрет оказался прост, как яйцо. Непонятно, почему нужный вывод не пришел в голову другим. Не умирать – не значит быть бессмертным. Кощей Бессмертный – бессмертный? Как бы не так. Языками чесать люди горазды, и

повторяемые день за днем слухи постепенно превращались в правду. А истина такова: Кощей начал править во времена Борисова прадеда. Не поспоришь, столько не живут. Признак вечной жизни? Отнюдь. Для собак люди тоже кажутся бессмертными. Когда щеночек рождается – хозяин взрослый, когда старый пес умирает – хозяин все еще взрослый. С Кошеем то же самое. Прадед слышал про молодого поджарого силача, который силой захватил власть за морем. Дед встречался со статным воином средних лет. Отец знал о мудром пожилом правителе. А Борис видел дряхлеющего живчика с одутловатым лицом, отменным брюшком и незарастающей плешкой, боявшегося собственной тени, но весьма охочего до женского пола.

Достаточно рассуждать здраво, и придет понимание, что к чему. Настоящий бессмертный мог бы побеждать несметные армии, сколько их ни собери. Знай себе убивай врагов по одному, когда-нибудь да кончатся. Кощей так не делал. Он вообще сторонился войн, а с соседями предпочитал выгодно торговать. Но породниться с ним желающих не находилось. Отдашь дочку за такого – он всех переживет, два государства под своей рукой объединит, после чего к соседям посватается. Кому охота, чтобы некто подминал под себя все, и с ним нельзя было бороться? Ни детям такое государство в наследство не оставишь, ни внукам, рано или поздно их уничтожат «во благо государства» как угрозу для вечного правителя. В итоге соседние государства жили по принципу «не буди лихо, пока оно тихо». Всех устраивало.

Истина о бессмертии Кощей хранилась в письменах, в старые времена составленных для него неким приезжим из дальних стран. Предание гласило, что писаря того казнили, чтобы не выдал тайны. С тех пор все знали, что письма не читаются. Кощей с улыбкой наблюдал, как кто-нибудь грамотный натыкался на свитки и пытался разобрать хоть что-то. Возможно, со стороны Кощей это была проверка. Вдруг кто-то сможет? Бывая во дворце, Борис тоже видел покрытые непонятными значками пергаменты. Возникла мысль скопировать их, чтобы отцовские грамоты расшифровали. К сожалению, Кощей не позволял кому-нибудь видеть письма больше одного раза. Скорее всего, это действительно была проверка. Вот если бы Борис занял место головы драконовых гридней, что как раз оказалось свободным... Невзирая на козни Доремира, за новой девушкой послали Бориса – значит, именно Борис должен был стать следующим головой. Возможности тогда открылись бы исключительные.

Теперь сожалеть поздно.

В лицо ударили брызги, и посторонние мысли стинули. Елена спала в руках Бориса. Кто-то из рыбаков с извинениями, что ничего лучше предложить они не могут, принес скудной еды. Движением глаз Борис приказал положить рядом и больше не беспокоить.

Ветер раздувал парус, волны мерно подкидывали и опускали лодку. Иногда через борт хлестала вода, ее вычерпывали. Родной берег уже просматривался. Но Борис смотрел не вперед. Он любовался прожилками на тонкой шее. Нежной кожей. И цветком на плече.

Все же Елена – богиня. Или дочь одного из богов. Как бы то ни оказалось – неважно, она с Борисом, и кроме этого отныне ничто не имело значения.

На востоке небо почернело, а на западе порозовело всплесками на багровых облаках. Все чаще навстречу кто-то проплывал – тоже с родным единорогом на стяге и парусе. Огромных многопарусных кораблей с недавних пор не строили, опасных волн и штормов почти не бывало, а когда боги разгневаются, величина не спасет. Оставшийся после войн единственный большой корабль оказался никому не нужным, он не мог пристать к торговой пристани, а возить на него товар лодками и платить за многократную погрузку-выгрузку оказалось невыгодно. Последняя война отгремела в дедовы времена, когда два государства по обе стороны моря объединились против иноземных захватчиков. У пришлых были собственные боги. Люди дрались с людьми, боги – с богами. Строилось невообразимое количество кораблей, невероятных по размеру и мощи, люди гибли в морях тысячами, а прибрежные города разрушались, чтобы правители одной из сторон в конце концов смогли назвать себя победителями.

К счастью, все кончилось до того, как люди и боги извели друг друга подчистую. Чужие боги замирились с местными и общим решением договорились не поддерживать людей, если те начнут воевать. Отныне ничто не мешало процветанию.

Весла вновь ударили по воде, чтобы сбросить скорость и пришвартоваться. Вскоре раздалось:

– Мы прибыли, господин.

Елена удивленно открыла глаза. Измученная до полусмерти, она проспала весь день и теперь не понимала, почему солнце снова садится.

– Спасибо, – поблагодарил Борис рыбаков. – Приходите вечером, отец заплатит.

– Да пребудут с тобой боги, господин.

Борис и Елена ступили на деревянный пирс. Мимо них, тяжело дыша, шагали грузчики с мешками за плечами, носились мальчишки с тележками и корзинами, кричали торговки и зазывалы. По мощеной мостовой со скрипом ползли груженные возы, сновали всадники, стражи, торговцы и гонцы. В паланкинах восьмерки рабов несли богатых горожан. Открытые двери заведений и построек выдавали их назначение не только видом, но и запахом: Борис с Еленой миновали склады, мастерские, бани, харчевни и палаточный рынок. Впереди, куда они шли, высилась городская стена, а слева, со стороны моря, часть города покрывал ил – многие годы некому было строить дамбы и выгребать воду после штормов. По разрушенным зданиям бродили козы, в стенах с провалившейся кровлей росли деревья, почти все обвил колючий плющ. Пруды загнили, увенчанные скульптурами фонтаны покосились, выбитые ставни и двери противно скрипели.

– Эхо войны, – объяснил Борис в ответ на удивленный взгляд Елены. – Много людей погибло, восстанавливаемся до сих пор.

Справа от дороги раскинулись кварталы бедноты. Деревьев не было, торчали только раскороченные пеньки. Лепились друг к другу хибары, сколоченные из чего попало, у пустых проемов дверей в грязи играли голые дети, ближе к дороге торговали ерундой немощные старухи. Пугали жуткие рожи нищих, просивших милостыню, но калеками вовсе не выглядевших – от таких хотелось держаться подальше, чтобы не стянули кошелек или не зарезали ради хорошей одежды. Или не похитили для выкупа. Борис ускорил шаг.

Могучие ворота, распахнутые настезь после войны и с тех пор ни разу не закрывавшиеся, приглашали в центральную часть города. В нос ударил запах, в котором смешались цветы, сладости и пробивавшийся сквозь них навоз. Внутри крепостных стен жили по-другому. В торговые ряды, построенные из белого камня, подъезжали на конях и в паланкинах солидные покупатели, вдоль дороги росли яблони и вишни, а в конце пути виднелся дворец, уходивший башнями и шпилями почти в облака. И всюду развивались кумачовые полотнища с золотым единогомом.

Прохожие, особенно из тех, что побогаче, присматривались к Борису и, узнав, кланялись в пояс. У Елены впервые проснулось любопытство:

– Почему к тебе так относятся? Кто ты?

Борис раскинул руки:

– Сын правителя всего этого. Пойдем быстрее, я так давно не был дома.

– Как называется твой город?

Борис втянул носом родные запахи и счастливо объявил:

– Двоя.

Часть вторая. Егорий Храбрый

На тебя, моя душа,
Век глядел бы не дыша,
Только стать твоим супругом
Мне не светит ни шиша.
(Леонид Филатов «Про Федота-стрельца»)

Глава 1. Георгий и Елена

Случилось чудо. Сделка с синьором Валентино каким-то образом сорвалась. Но чудо, как ни удивительно, было не в этом. Цель – обретение любви и сказочной жизни – оказалась достигнутой. Ирония судьбы проявилась в том, что Георгий и Елена – так звали избранницу – попали в сказку не в переносном смысле, как мечтали, а в прямом. Сначала, когда шок потрясения прошел и сила притяжения бросила их друг к другу, они не сразу поняли, насколько все изменилось за пределами их слившихся тел. В какой-то неуловимый момент прежний мир растворился в тумане, а вокруг появился новый. Долгий поцелуй, знаменовавший одновременно встречу и прощание навсегда, закончился изумлением: вместо суетливой Вероны со всех сторон высился девственный лес, пели птицы, по деревьям скакали солнечные зайчики. На полянке рядом с узкой речушкой приветливо распахнул двери деревянный домик. Точнее, избушка. Не на курьих ножках, а обычный сруб-пятистенник, крытый соломой, с сеньями и милыми занавесками на окошках, как испокон веков строили на Руси. Георгий с Еленой прошли к домику по траве, нигде не примятой и, похоже, не знавшей других ног. На пыльном крыльце тоже не было ни единого следа, и внутри, как и ожидалось, оказалось пусто.

Избушка словно бы ждала хозяев. К печке привалилась стопка нарубленных дров, на столе сияла белоснежная скатерть, и едва ли не половину помещения занимала странно смотрящаяся в реалиях деревенской обстановки двуспальная кровать. Для людей, которые чуть не потеряли друг друга в минуту, когда только-только обрели, увиденное показалось сказкой.

Знакомство с вампиром убрало вопросы по поводу «как мы здесь оказались» и «что теперь делать». Ответ прост: принять как должное и наслаждаться каждой минутой. Хотели сказку – получили. Как с обращением к компьютеру. Тот тоже делает не то, что хочешь, а то, что прикажешь.

Подпол, как говорится, ломился от запасов крупы и муки, на полочках нашлись соль и толченые травы-специи. Грубо выкованные ножи, деревянные ложки, чугушки, глиняная посуда... Пуховые подушки и откинутое, будто в приглашении, одеяло...

Дом словно ждал тех, кто придет.

Георгий и Елена стали жить вдвоем.

Первый день весь состоял из счастья. Второй – не весь. Начиная с третьего, счастье незаметно отошло на задний план и скрылось за горами забот. Пока в погоне за ослепительным горизонтом, откуда тянуло руки уносимое кем-то счастье, Георгий с Еленой сносили одну гору, за ней вырастали хребты из новых. Жизнь в лесу – это, конечно, сказка, но только для тех, кто привычен. Приготовление пищи в печи или на костре, заготовка дров, ягод и грибов... А стирка в холодной речке без порошка и даже без мыла? А туалет на улице и та же речка вместо ванной? А ведро вместо канализации? Не говоря о том, что ведра из досок, стянутых железными полосами, сами по себе весили как полные.

К домику иногда подходили удивленные зайцы, в речке плескалась наглая рыба, тоже догадавшаяся, что из Георгия охотник и рыбак, как из кочерги метла.

– Мы будем жить с тобой в маленькой хижине на берегу очень тихой реки, – нежно говорил Георгий Елене, подавая бельё в медном тазу.

Она улыбалась в ответ. На сверкавшей ряби колыхались кувшинки, квакали сытые лягушки, звенели – куда же без них на природе? – веселые комарики. Любой город двадцать первого века вспоминался теперь добрым словом, но там, в напичканных электротехникой бетонных коробках, в отличие от местной природной идиллии не было человека, в котором заключался смысл жизни. А зачем тогда жить?

Прежняя одежда для нового мира не годилась. Новая нашлась в сундуке под лавкой – нужного размера сарафан с платком и рубаха-косоворотка со штанами. Для ног предназначались лапти, а чтобы их носить, пришлось освоить портянки.

Никакие другие хозяева домика не объявились, и Георгий с Еленой окончательно убедились, что окружавший их мир – это и есть заказанная сказка.

В первый же день они обошли округу, чтобы узнать, куда забросила судьба. Домик стоял на полянке, лес вокруг изобиловал ягодами и грибами, речка – рыбой, но стоило хотя бы полчаса пройти в любую сторону, как маленький рай заканчивался, со всех сторон его окружали непролазные болота. Из затхлой жижи торчали деревья, виднелись большие острова твердой земли, но добраться до них было нереально. Георгий сделал несколько попыток и едва не утонул, Елена насилу вытащила с помощью длинной палки. Речка, протекавшая мимо избышки, вытекала из болот и в них же с другой стороны растворялась. Не уйти. Это плохо. Зато никто не придет и не помешает счастью.

Взявшись за руки, Георгий с Еленой ходили за ягодами и грибами. Солить-сушить оба не умели и съедали свежим то, что можно есть сырым, остальное варили или жарили. Для готовки требовались дрова. За дровами, естественно, ходил Георгий. Топор нашелся в сених рядом с деревянной лопатой, понизу окованной железной пластинкой. Пилы не было. Приходилось сначала рубить выбранное старое дерево целиком, затем на чурки и только затем на поленья. Зато щепок летело столько, что для растопки больше ничего не требовалось.

Труднее всего давалось отсутствие сахара. Он, к удивлению, оказался настоящим наркотиком. Ломка продолжалась много дней. Никакая ягода, даже самая сочная, не заменяла организму захудалой карамельки, о которой мечталось, как некогда о... А о чем, кстати, раньше мечталось? Прежняя жизнь быстро стерлась из памяти.

Одежду приходилось беречь, другую взять неоткуда. Решили ходить без одежды. На время безоблачное счастье вернулось, несколько дней прошли как во сне. Погода стояла райская. Стесняться никого не надо. Разве что из болота кто-то вылезет, но кикимор и леших Георгий не боялся, в нечисть он просто не верил, а Елена, чуточку суеверная, все же конфузилась и намекала, что даже здесь за ними может следить кто-то невидимый. Взять того же синьора Валентино.

– И что же? – улыбался Георгий. – Думаешь, бессмертный невидимый мужик увидит такое, о чем прежде не подозревал? Я к нему даже ревновать не буду, пусть смотрит, если нравится. Мне, например, очень нравится. А он, если смотрит, пусть завидует.

Климат баловал – ни затяжного дождя, ни сильного ветра, ни холода. Только солнышко и – иногда и очень к месту – приятный ветерок. Одно слово – рай. Правда, березы, ели и дубы намекали, что тропиками здесь не пахло, природа была знакомой до боли, каждый кустик и травинка напоминали о родине. Если вампир перенес Георгия с Еленой в пространстве, то именно туда, куда нужно. Встречи с неизвестными ягодами, зверями и насекомыми грозили неприятностями, но жизнь хотя бы не превратилась в выживание.

Вообще-то, если быть честным, превратилась. Но выживать вдвоем с любимым человеком – это счастье. Даже когда оно незаметно за изматывающими заботами.

Думая о погоде, Георгий сомневался, что здесь бывают снежные зимы, иначе крыша провалилась бы под снегом, а она выглядела крепкой, несмотря на то, что дерево и солома домика свежестью не отличались. Георгий решил: мечтать надо о лучшем, а готовиться к худшему. Дров следовало заготовить столько, чтобы хватило как на готовку, так и на отопление, о котором сейчас, в жаркую погоду, просто не думалось.

И постоянно мучил вопрос: что делать, когда запасы крупы и муки закончатся?

Это вопрос завтрашнего дня. На том, что имелось, два человека могли прожить несколько лет. Пусть пройдет год, тогда станет ясно, как действовать дальше. Вариантов два: что-то сеять или же строить лодку и как-то выбираться в большой мир.

Хищные животные сюда не забредали, многочисленные зайцы и глухари чувствовали себя в безопасности. Стоило зазеваться, и они даже воровали еду.

Здравый смысл подсказывал: где водятся зайцы и глухари, там однажды могут появиться волки и медведи. Как себя защитить от голодного зверя? На такой случай Георгий выстрогал копьё, снабдил самодельным наконечником из ножа и часто упражнялся в метании и «бое с тенью». К средствам самозащиты в избушке относились также топор и кухонные ножи. Глядя на распоясавшуюся дичь, Георгий улыбался: охотиться он начнет позже, когда отточит навыки и когда Елена придумает, как заготовливать мясо впрок. Сейчас обоим приходило в голову единственное: дожидаться холодов, чтобы хранить запасы на морозе.

Привыкший, что люди и хищники в окруженный болотами рай для двоих не забирались, Георгий не носил с собой оружия, и когда понадобилось действовать, он растерялся: топор и ножи остались в доме, а копьё – далеко в стороне, под раскидистой осиной, где он вчера тренировался. Забрать не удосужился, потому что – зачем? Привыкнув жить в одиночестве, расслабляешься, и виртуальные проблемы, о которых постоянно думаешь первые дни, постепенно остаются за бортом маленького мира. Когда полно других забот и нечто плохое не случается ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра, сознание вычеркивает гипотетические неприятности из списка злободневного. После рубки и перетаскивания дров, основного занятия Георгия, руки и поясница ныли так, что лишние килограммы при себе выглядели издевательством над здравым смыслом. Даже топор иногда оставался где-то в лесу, если утром надо было вернуться на то же место.

Сейчас Георгий собирал малину около болот, невидимая отсюда Елена занималась тем же где-то неподалеку.

– А-а-а!!! – взорвался в ушах женский вопль.

Такой интонации Георгий не слышал у подруги никогда, он даже не представлял, что такое возможно. В крике собрался весь ужас мира, сравнимый разве что с концом света.

Что?! Где?! Кто?!

Георгий, как был, помчался сквозь кусты к столь же легко одетой Елене. Она неслась навстречу:

– Человек! Там!

В их сторону, помогая себе проваливавшейся в ил длинной палкой, по вязкой жиже брел шатавшийся человек.

Воин? Кольчуга, огромный меч, кистень... Щита и шлема не было. Словно выбывший из битвы витязь, раненый и потерявший коня. Метрах в трех от елки, стоявшей на твердой почве, он рухнул в воду и больше не показывался.

Георгий бросился на помощь. Пришлось нырять – снаружи незнакомца уже не было видно, спасла только близость к берегу. Дальше и глубже Георгий просто не сунулся бы. Елена держалась рядом с длинной веткой в руках – на случай, если придется вытягивать. Такую ситуацию отработали не раз, когда исследовали окрестности.

Все получилось. Вытащенный на траву мужик закашлялся, его мутный взгляд поднялся на спасителей, и в тот же миг сознание покинуло спасенного.

Глава 2. Соловей-разбойник

Рядом с избушкой Георгий соорудил для раненого навес между деревьев. Кольчуга, когда ее снимали, показалась неподъемной – непонятно, как можно что-то делать, когда на тебе столько лишних килограммов. Отмытая от грязи и разложенная на земле, кольчуга выглядела как вязаная из стали футболка для великана – с широким воротом, короткими рукавами, длинной до середины бедер.

Сапоги из мягкой кожи снялись легко, но сначала пришлось повозиться с мятыми наколенниками – изнутри обитые тканью, они крепились жесткими ремнями на застежках, причем застежки заклинило, пришлось их ломать. С налокотниками проблем не возникло, хотя им тоже досталось изрядно – посеченное железо искривилось, подкладка порвалась. Сверху на них, видимо, крепились метательные ножи, сейчас держатели пустовали. Зато два ножа нашлось за голенищами: один обычный, с деревянной рукояткой, второй – длинный и узкий, без рукояти, больше похожий на заточку. Резать таким невозможно, режущей кромки нет. Скорее всего, тоже метательный.

Под кольчугой оказалось нечто вроде стеганой куртки, что выглядело странно для местного климата. Должно быть, куртка защищала от натирания и амортизировала удары.

На широком кожаном поясе болтались пустые ножны от кинжала, а из-за пояса торчал кистень – этакие древнерусские нунчаки, предназначенные против тяжеловооруженного противника. К небольшой рукоятке цепью крепился железный шар с шипами, сила удара могла сравниться с прилетом чугунного ядра, никакая броня не выдержит. На Западе кистень звался моргенштерном, и рыцари его очень уважали.

Георгия особенно поразил меч. От изрубленной перевязи почти ничего не осталось, оружие чудом не сгнуло в болоте. Длинный, примерно в метр, клинок местами зазубрился и все равно вызвал почти детский трепет. Георгий вспомнил уличные игры с палками-саблями, потом была секция ушу, где очередные палки изображали мечи... Еще он почти два месяца посещал секцию фехтования. По сравнению с настоящим мечом спортивная рапира выглядела прутиком, а стойку для выпада с поднятой или заведенной за спину левой рукой даже нельзя повторить, вес меча не позволял долго держать его перед собой. Или приходилось упирать наверх длинной рукоятки снизу в запястье, но и это не спасало.

Наигравшись с мечом, Георгий занес его в дом. Жаль, что в свое время увлечения быстро сменялись – везде требовалось полное посвящение себя выбранному делу, а останавливаться на чем-то единственном не хотелось, новый день приносил новые идеи, и – к величайшему сожалению – невостребованные в прежнем мире навыки так и не стали навыками. А как бы сейчасгодились!

Пока он восхищался игрушками для взрослых дядей, Елена хмуро ходила вокруг.

– Понимаешь, что это значит? – Она кивнула на меч и кольчугу.

– Мы же просились в сказку. – Георгий еще раз полюбовался мечом. – Сейчас к нам явился сказочный богатырь. Похоже, он дрался со Змеем Горынычем. Ясно одно: отныне скучно не будет.

– Я имела в виду другое. Нас забросило в прошлое.

Георгий помолчал.

– Мы можем как-то повлиять на события? – спросил он задумчиво.

Елена пожала плечами:

– Не знаю.

– Никак не можем. Во всяком случае, пока. Поэтому неважно, куда нас забросило. Нужно узнать об окружающем мире как можно больше, а у нас теперь есть, у кого спросить. Надеюсь, он не итальянец. Впрочем, ты же знаешь итальянский язык?

– Когда раздевали, он кое-что буркнул. – Елена поморщила нос. – Думаю, он не итальянец.

Все оружие унесли в дом, там же, но уже не в сенях, а под кроватью, временно пропицался топор. В глубине души все люди хорошие, только глубина разная, и лучше было перебраться.

Одевались теперь по всей форме. С появлением третьего рай для двоих закончился. Елена нашла в этом плюс – теперь меньше досаждали комары.

Двое суток незнакомец метался в бреду, иногда витиевато и очень знакомо для русского уха бранился и выкрикивал резкие команды. В такие моменты Елена протираала ему лоб влажной тряпкой, и спасенный успокаивался. Количество ран на нем ужасало, но он, безусловно, выздоравливал: жар потихоньку спадал, сломанная нога, на которую наложили шину в виде привязанной палки, перестала опухать.

Чужак был моложе Георгия, израненное тело состояло из одних мускулов, но черная клочковатая борода и изборожденное морщинами лицо делали незнакомца старше.

Первые слова раздалась, когда Елена развешивала белье на прокинутых между деревьев жердях.

– Кто ты, красавица?

– Елена. – Она положила охапку на землю и шагнула к раненому.

Несший воду Георгий оставил ведро, подошел к ним и тоже представился:

– Георгий.

Незнакомец напрягся и быстро огляделся в поиске других возможных противников. Увиденное ему понравилось – кулаки расслабились, с лица исчезло выражение загнанного животного.

– Егорий? – переспросил он.

– Георгий, – отчетливо повторил Георгий.

– Я и говорю – Егорий. – Незнакомец на миг оглянулся на Елену, но поскольку разговаривал с Георгием, вновь обратил цепкий взгляд на него. – Лучше бы тебе заморским именем не зваться, беду накличешь. У нас всех кличут по-простому. Заграничный Теодор у нас – Федор, Мартин – Мартын, Стефан – Степан. А за Георгия можно и в глаз получить. Выдумали же – Ге-ор-гий!

– А тебя как звать?

– Соловей.

Георгий не удержался от усмешки:

– Разбойник?

– Ну, зачем же сразу разбойник. – Соловей с показной обидой нахмурился. – Я не убивец, а если кого и убил, то за дело. Я отбираю у богатых и раздаю бедным.

– Ясно. Как Робин Гуд.

– Не слышал про такого. Он из наших мест?

– Что подразумевают «наши места»?

До Соловья вдруг дошло.

– А вы откуда взялись? – Он оглядел с ног до головы Георгия, затем Елену – со всеми подробностями и с гораздо большим удовольствием. – Мы с братьями тут иногда от дракона хоронимся, потому что другие сюда не суются – дороги не знают и нечисти боятся. А из всей нечисти тут только мы с вами. Может, нечисть – это вы? Хотя такую красавицу кроме как ангелом представить не могу. Надеюсь – сестра? – Соловей вновь перевел взор на Георгия.

Елена ответила первой:

– Невеста.

С языка Георгия уже срывалось «жена», но он не успел и спросил вместо этого:

– Ты сказал «с братьями». Сколько их у тебя?

– Все люди – братья, не слышал? Ты мне в некотором роде тоже брат. Но я говорил про тех, с которыми в огонь и в воду и которые со мной пуд соли съели в разных передрыгах. Раз уж со мной сюда не добрались, то мертвы либо тоже где-то отлеживаются, только не с такими удобствами. Но вы не ответили: как вас занесло в чертовы болота?

– Чудом. – Георгий решил, что дословно правду рассказывать не стоит, местные не поймут. А если суеверны, то сожгут за такие рассказы. – Захотели уединения, и оказались тут.

– Да, пути богов неисповедимы. – Соловья в их истории ничего не напрягло. – Если чего-то хотите – молитесь четче, иначе вот такая байда случается. Ваш родной город как зовется?

– Верона, – вылетело у Елены.

– Москва, – одновременно с ней ответил Георгий. И тут же исправился, чтобы не возникло путаницы: – Верона.

– Москва, – вместе с его поправкой раздалось уточнение Елены.

– Не слыхивал, – покачал головой Соловей. – Это далеко отсюда?

– «Отсюда» – это откуда? – перешел в наступление Георгий.

– От столицы. И от Гевала. Или вы двойские? – По глазам поняв, что прозвучавшие названия собеседникам ничего не сказали, Соловей пустился в объяснения. – Ближний город называется Гевал, он стоит на берегу, у самого моря. Если идти к горам, доберешься до столицы, а на другой стороне моря стоит древняя Двоя.

Георгий перебил:

– Как называется столица?

Имена столиц, как правило, живут веками, а то и тысячелетиями. А если столичным городом становится другой, о прежнем все равно не забывают.

– Зачем ей как-то называться? – Соловей едва не рассмеялся. – Она же столица!

Из дальнейших расспросов Георгий и Елена выяснили, что вокруг их маленького рая процветает дикий феодализм, механика имеется, но на зачаточном уровне, заводы и фабрики представлены кузнецами, ткачами и скорняками, а строительная индустрия – каменщиками и плотниками. Синьор Валентино отправил Георгия и Елену в сказку самую что ни на есть настоящую – чисто средневековую, и спасибо, что русскоязычную. Колдунов и ведьм, как в те века было принято, здесь действительно сжигали, а чудеса, если случались, то происходили по воле богов. В столице правил дракон, его гридни – приближенные воины – грабили народ, а Соловей со своей командой грабил тех, кто грабил народ, и возвращал награбленное честным труженикам.

Георгию не давал покоя один момент.

– Как ты прошел через болота? – спросил он, когда поток основного рассказа иссяк и разбился на малозначимые ручейки.

– По елкам. Если желаете уйти, могу вывести. Куда хотите податься? Что умеете делать? Где будете жить?

Георгий посмотрел на Елену. Она пожала плечами.

Что их ждет за болотами? Здесь у них дом, а что будет там? На что жить?

Георгий поинтересовался:

– Снег у вас бывает?

– А то!

– Много?

Соловей улыбнулся, как малому ребенку:

– Тебе все снежинки пересчитать?

Георгий вздохнул:

– Ну, сколько за зиму падает? Какой слой на земле лежит?

– Лежит? – Соловей удивленно моргнул.

– Ясно. Раз в год бывает холодно, и падает снег.

– А я что сказал?

Чудесные места. Если снаружи придется зарабатывать на ту жизнь, которая здесь дается даром, зачем куда-то уходить?

Соловей быстро шел на поправку. Выяснилось, что он изумительно поет. Потому и Соловей. В отличие от песен двадцать первого века местное оральное творчество лучше было назвать сказаниями и былинами, которые накладывали на незатейливый мотив. Грубо говоря, это был рэп в изначальном виде – певец рассказывал о том, что лежало на душе, и делал это в музыкальной форме.

Ходить Соловей еще не мог, лишь один-два раза в день хромал с палкой-костылем в кусты и обратно. Георгий с Еленой занимались обычными делами, Соловей помогал им песнями и дельными замечаниями на тему, как правильно пользоваться тем или иным предметом.

Жизнь без холодов, для которой не требуется невероятного количества дров, высвободила Георгию время для занятий с оружием. Он попросил Соловья научить его, тот с радостью согласился. Все равно делать нечего, а так вроде бы пользу приносит добрым людям, у которых на шее сидит.

Соловей лежал на травяном тюфяке под навесом, а Георгий прыгал перед ним то с копьём, то с мечом. Больше всего ему нравился меч.

– Обожаю двуручный, – сказал он как-то раз, с трудом удерживая в вытянутой руке железяку весом больше килограмма.

– Это полуторный, – хмыкнул Соловей. – Двуручный слишком тяжел, а обычный, на мой взгляд, коротковат. Мне в самый раз вот такой. Для чего выбирают двуручный? Им можно достать всадника или подрубить ноги коню. Размер меча зависит от умений и поставленных задач. Всего у мужчины должно быть при себе три клинка. Меч – для дальней дистанции и против всадника. Кинжал – для ближнего боя и драки в помещении или в стесненных условиях. И хотя бы один нож – для всего остального и на замену длинным клинкам, если с ними что-то случится. Прочее оружие – копьё, лук, топор, кистень – может помочь, а может помешать. Научись владеть мечом, остальное приложится.

– Насчет копья понимаю, оно может сломаться, с ним неудобно ходить по густому лесу и в помещении, и в ближнем бою оно не оптимально. Но как могут помешать лук, топор или кистень?

– Лук в ближнем бою вообще не оружие, а топор и кистень не годятся для защиты. Только мечом можно одновременно и нападать, и защищаться. Рубить. Колоть. Подрезать. Назидательно бить плашмя. Или наверху, чтобы оглушить. Им даже можно нарезать хлебушек на привале, чего от топора и кистеня не добьешься, они будут при тебе лишним грузом.

– Но кистень с собой ты все же носишь.

– Я нападаю из засады, а противник закован в броню. Смысл боя – закончить схватку одним ударом. Когда не знаешь, где и с кем будет драка, лучше меча ничего не придумать.

Георгий осваивал меч с воодушевлением неопита.

Жизнь Елены тоже не стояла на месте. Еще недавно тяготившуюся ежедневными хлопотами, теперь ее будто подменили. Соловья она выхаживала с почти материнскими нежностью и заботой, порхала от печки к речке и от дома к навесу. Оказывается, вот что нужно женщине для счастья. Мужчине достаточно смысла жизни или женщины, а ей нужно все, причем смысл жизни должен быть не фигуральный, а конкретный, чтобы проявлялся в реальных делах.

Георгий впервые задумался о детях. Елена, судя по всему, уже готова, и, возможно, после ухода Соловья именно это вознесет их союз на новую ступень.

Обучение, между тем, шло своим ходом:

– Удары мечом бывают прямые и ломаные. Прямые надо отрабатывать по восьми направлениям: сверху, снизу, с боков и диагональные. Ломанные – это когда клинок, плечо и кисть

двигаются в разных направлениях. Такие удары осваиваются дольше, но они того стоят. Сделай взмах, будто плывешь.

– Кролем?

– Зайцем! Ты плавать-то умеешь?

Георгий сделал правой рукой круговой мах из-за спины вперед. На излете, в точке, где ладонь оказалась на уровне лица большим пальцем вниз, а локоть еще остался задраным кверху, Соловей скомандовал:

– Замри. Представь, что у тебя в руке меч, а противник закрывается щитом. Смещай направление клинка чуть правее, и ты обойдешь защиту и порaziшь в лицо или в шею. Правда, откroешься сам, но противник из-за щита не увидит, на то и рассчитано.

Некоторыми приемами Георгию удавалось ответно удивить Соловья.

– Ну-ка, повтори. – Складки на лбу лесного разбойника обрели собственную жизнь. – Что ты сейчас сделал?

– Я такое в кино видел. – Георгий прикусил язык и тут же поправил себя: – Во сне.

– Ты это, когда снится такое, тут же вскакивай и повторяй. А не покажешь ли еще что-нибудь из приснившегося?

В свободное время, которого у Соловья было больше, чем хотелось бы, он пел, и чем дальше, тем чаще. Георгию творчество лесного разбойника не нравилось, а Елена, наоборот, слушала с удовольствием. Некоторые песни звучали очень современно. Те, что про любовь, даже пробивали на слезу, Елена опускала лицо, и что творилось в ее душе в такие моменты, оставалось за семью печатями. Очередной опус застиг ее по пути к речке с грязной посудой в руках.

– Нет больше снов.

Нет больше жизни.

И нет меня.

Не надо слов.

Они капризны.

В них нет огня.

Ты не горишь,

Ты просто тлеешь.

Я не хочу.

Пусть говоришь,

Что пожалею.

Я улечу

Из снов – в зарю.

Забуду осень.

Забуду все.

И вновь сгорю

Другую брошен

Под колесо.

Пел Соловей проникновенно, мягкий баритон обволакивал и вел за собой в рисуемые кущи. Хотелось идти вместе с ним, даже если кущи не были райскими, сердце сжималось от сострадания к лирическому герою и, как следствие, к самому певцу. Что ни говори, а Соловей был талантлив. Когда последнее слово растворилось в лесной тиши, Елена протерла уголки глаз и кивком поблагодарила исполнителя.

Подростком Георгий тоже писал стихи и песни. Это увлечение прошло так же, как прочие, а найденные через много лет наивные вирши вызвали стыд за самого себя. Стихи отправились в урну. Поэтому не нравились творения Соловья, воплотившего в жизнь то, что не смог Георгий.

Однажды Соловей увидел у Елены невозможную для местного производства одежду и обувь. Сарафан замызгался, его требовалось постирать, а лапти не вязались с платьем, которое она временно надела взамен. Открывшийся вид поразил Соловья больше, чем молния, попади она ему между ушей.

– Богиня!

Резануло по сердцу: восхитила Соловья именно Елена, одетая в платье и туфли, а не сами платье и туфли. Они удивления не вызвали. Закралось подозрение, что пока Георгий с Еленой ходили за ягодами, Соловей рылся в вещах и сейчас видел их не впервые.

На лице Георгия отразилось что-то такое, что Соловей вспомнил, чем следует восхищаться в женщине в присутствии ее мужчины, и всплеснул руками:

– Откуда такое чудо? Боги подарили?

– У вас часто боги кому-нибудь что-нибудь дарят? – поинтересовался Георгий.

– Бывает. Может, вы полукровки? Елена – это как пить дать, я сразу понял, что она не из мира сего. Да и ты, если вспомнить твои любопытные сны...

– В нашем городе все так ходят, у нас это обычная одежда, – довольно сообщила Елена.

Платье и туфли на каблуках – обычная? Георгий усмехнулся про себя. Кажется, у Елены новый бзик. Она соскучилась по обществу. Ее вычурные позы и дефилирующая походка подтвердили догадку. Понятно, что ей не нужен чужой мужчина, тем более средневековый разбойник. Елене просто хотелось нравиться. Это у нее получалось. Когда она появлялась в поле зрения, тренировка шла вкривь и вкось, фразы иногда прерывались посередине, слова забывались.

– И по поводу заточки клинка... – Лежавший на тюфяке Соловей проводил взглядом Елену, вернувшуюся с реки. – Сильно заточишь – в долгом бою меч зазубрится, но если схватка скоротечная, острота сыграет на тебя.

У Георгия давно зрел другой вопрос.

– Если у полуротного и двуручного мечей есть столько преимуществ, почему все не перейдут на них?

Соловей закатил глаза:

– Одноручный весит меньше, вырастает скорость, на один удар можно ответить серией. И если в одной руке у тебя легкий меч, во второй может быть щит, второй меч, топор или кинжал. А когда одним клинком заняты обе руки, возможности падают и в скорости, и в защите, и в нападении. На вторую руку приходится вешать дополнительное оплечье, чтобы выступало щитом, а это, опять же, дополнительный вес. Ну-ка, надень мою кольчугу.

Георгий уже примеривал ее, когда Соловей лежал без сознания, но с удовольствием влез в стальное кружево еще раз.

– Ого, – вырвалось у него, как и при первом надевании.

– Вот тебе и ого, а это всего лишь кольчуга. Мужчине в полном доспехе надо драться самому и близких защищать. Теперь надень поножи и наручи.

Налокотники Соловей назвал наручами, а наколенники оказалась поножами. Такую информацию Георгий тоже наматывал на ус, хотя усов, как и бороды, не носил. Каждое утро он брился острым ножом и всегда выглядел свежо и по-молодецки.

Елена, снова в сарафане и лаптях, вышла куда-то из дома, Соловей указал на нее:

– Возьми меч и догони Елену. Посмотрим, насколько ты готов к жизни настоящего мужчины.

Елена радостно бросилась прочь, она с удовольствием подыгрывала Соловью в такие моменты. Но, похоже, ему просто нравилось смотреть, как во время бега развеваются ее роскошные волосы, колышется грудь и взлетают голые ноги. Георгий мог бы пробежаться и без погони, замена реальной Елены виртуальным противником на смысле тренировки никак не сказалась бы.

Внутренний голос бубнил что-то еще, а Георгий уже мчался за Еленой. Хотелось поймать и наказать за легкомыслие, и наказать так, чтобы она прочувствовала состояние любимого человека.

Мотивация прибавила сил. Килограммы железа словно потерялись, глаза видели только спину и чудесные волосы – Елена не носила платка, и Георгий ее в этом поддерживал. Скрывать такую красоту под несуразной тряпкой – преступление против человечности. Сейчас красота вызывала раздражение. Догнав в несколько прыжков, он толкнул Елену на землю и навалился сверху.

– Ты чего? – Она попыталась спихнуть его, но хватка оказалась крепкой. – Ты меня пугаешь. Отпусти.

– Тебе хорошо со мной?

– Потом поговорим, хорошо? – Елена выбралась из-под Георгия и оправила одежду. – Едва не порвал. И запачкал. Теперь снова стираться. Думаешь, легко?

Он тут же вспомнил, как она стирала вещи Соловья. Возмущением тогда даже не пахло, ее лицо сияло от осознания необходимости и правильности поступка.

Спасти и выходить раненого – действительно благое дело.

Что-то мысли запутались. Зачем думать о плохом, если все хорошо?

Елена отправилась купаться и мыть волосы – валяние на земле на них сказалось не меньше, чем на сарафане. Место она выбрала вдали за поворотом речки, от навеса оно не просматривалось, и хотя бы за это ей нужно сказать спасибо.

А сарафан, словно в отместку, она стирала прямо перед домом. Платье тоже дождалось стирки, поэтому на Елене была только обмотанная вокруг тела простыня. Колени упирались в твердый край берега, голова опускалась низко-низко, почти к самой воде.

Соловей заметил, как на него косится Георгий, и отвернулся. Но стоило резко оглянуться на «больного», и его взгляд вновь уносился от речки то в лес, то на небо.

В эту ночь Георгий с Еленой так и не поговорили. Не поговорили и на следующий день. Едва почувствовав тягостное настроение Георгия, не готовая к выяснению отношений Елена находила повод перенести разговор.

Время шло, и однажды Георгий вдруг понял – разговор не нужен. Елена все понимает, и не надо портить кровь окружающим, которые хотят получать от жизни хоть какое-то удовольствие. Не сказав ни слова, Елена сумела донести до него свое видение, и он понял. И принял.

И снизошел долгожданный покой. Все хорошо. Георгий просто устал. Нужно поспать, и все пройдет.

Но он не мог нормально спать. Жутко нервировало, когда Елена вставала по ночам. Недавно Георгий представить не мог, что будет ее ревновать, а теперь тихо поднимался следом и в щель занавески следил, куда идет Елена: в кусты или...

Она шла в кусты. Он корил себя, обещал больше так не делать. Как можно жить вместе, если не доверять партнеру?!

А он не доверял и вновь подглядывал. Потому что не мог понять: ну неспроста же ей лень одеваться полностью, и она выскакивала наружу, обернувшись в простыню или, прикрыв грудь рукой, в одном нижнем белье?

К сожалению, нога Соловья срасталась не так быстро, как хотелось бы. Затянувшийся процесс выздоровления помогал тренировкам, теперь можно было устраивать спарринги на палках. Не мечи, конечно, но эффективность возросла.

Устав отбиваться от наседавшего Георгия, Соловей ложился под навес и возвращался к теории:

– Шлем защищает от оружия, но не от силы удара. Представь, что тебе по шапке со всего маху врезали булыжником. То же самое ощутишь при встрече шлема и меча. В глазах

помутнеет всего на миг... и больше уже не прояснится – враг воспользуется бездействием и зарубит. Доспехи и шлем – защита крайнего случая, в первую очередь рассчитывай на щит.

– Не доводилось пользоваться щитом, – признался Георгий.

– Ну и ученик мне попался. – Соловей уже привычно закатил глаза. – Ты хотя бы представляешь, что такое щит? Ответь, как его применяют.

– Его держат во второй руке, чтобы защититься от ударов и стрел.

– Не его держат в руке, а руку держат в нем – рука в него вставляется, это же не крышка от кринки! Ты где жил, что не знаешь простейших вещей? Скажи, из чего сделан щит.

– Из железа, – ответил Георгий то, что думал.

Из чего же еще? Что еще выдержит попадание стрел и ударных инструментов вроде копий с мечами?

– И кто поднимет такой щит? Запомни, щиты изготавливают из де-ре-ва! Хорошие щиты покрывают чешуйчатой броней, как некоторые доспехи. Бывает и сплошное покрытие из металла, но только покрытие. Предлагаю сделать щит самим, чтобы ты, наконец, понял, как остаться в живых и спасти кого-нибудь еще.

Соловей не обернулся на домик, где его прекрасно слышали, но говорил явно не для одного Георгия. Направление мысли понятно: если придут враги, Соловей в одиночку перебьет многих, а Георгий при всем желании ощутимого вреда не нанесет. Но жизнь – не только война. Хорошо, что Елена это понимала.

В военном деле успехи тоже были, Соловей даже признал:

– Хороший ученик. Таких у меня еще не было. Только возраст мешает – не достигнешь вершин, путь к которым лежит с детства. А жаль. С такими задатками будь ты помоложе...

Он задумчиво куснул губу и покосился на домик, где невидимая снаружи Елена готовила ужин. Георгий прочел в вернувшемся на него взгляде вопрос: ты, дескать, не думал, что твоей женщине тоже нужен кто-то помоложе?

Вслух Соловей сказал другое, строго по делу:

– Щит надо освоить как отдельный вид оружия, иначе он будет мешать, а не помогать. Щитом можно не только защищаться, защита – всего лишь первый уровень. Щитом можно толкнуть или сковать движения врага. Можно ударить кромкой. Если кромка острая, ей легко покалечить и, при должном навыке, убить. Щитом можно сделать зацеп и развернуть щит противника, или ударить руку, которая тебя атакует. Главное правило работы с щитом – не перекрывать себе обзор. Второе главное правило – после любого приема возвращать щит в исходное положение. – Соловей пару секунд помолчал. – Нужно уметь защитить свою женщину. Мало ли какой человек придет. Я же дошел.

И Георгий тренировался. До десятого пота, до изнеможения. С мечом, копьем, щитом, топором, кистенем, ножом. И без всего. К ночи едва доползал до кровати. Там силы не требовались. На время, пока Соловей был рядом, Елена отказалась от других развлечений.

– Он же услышит! – шипела она, отпрянув на край.

– И что же? – не понимал Георгий. – Пусть слышит. Мы муж и жена, нам положено шуметь по ночам.

– Мы жених и невеста, а он гость, – упрячилась Елена.

То же самое случалось и далеко в лесу, куда хромому Соловью никак не добраться.

– Нет, – твердила Елена. – Только когда он уйдет.

Не высказать, как ждал Георгий этого момента.

Елена, не так давно стеснявшаяся возможных невидимок, с каждым днем вела себя все более открыто и даже, с точки зрения Георгия, вызывающе. Соловей и без того раздевал ее взглядом, а она потворствовала, скользкие ситуации возникали по нескольку раз на день. Для Елены выздоравливающий чужой мужик был мальчиком или существом без пола, она относилась к раненому по-матерински – кормила, обстирывала, подставляла плечо, если нужно под-

няться или вернуться на место. Когда едва живого Соловья принесли домой, его пришлось раздеть и отмыть, а потом часто перевязывать. Так было надо. Георгий смирился. Окажись в беде женщина, Елена не возражала бы против его посильного участия. Наоборот, она бы требовала помощи. Человек обязан спасти ближнего невзирая на пол, возраст и прочие предпочтения, иначе он не человек.

Все правильно. Но раны Соловья затягивались, переломы срастались, походка становилась все более уверенной... а Елена будто не замечала. Притом сама стеснялась подопечного все меньше. Могла зайти в речку в его присутствии, просто подобрала руками низ сарафана. Или в закатных лучах мыть ноги, стоя с западной стороны, когда пронзенная светом одежда обращалась в фикцию. Когда Соловей пел, Елена ложилась в траву рядом с ним, раскидывала руки и мечтательно глядела на плывущие облака.

Вроде бы все безобидно. Почему же душа не на месте?

– Милый, не будь букой, – говорила Елена, когда Георгий нервничал. – Все хорошо.

Он очень старался не быть букой. С каждым днем не быть букой становилось труднее. Елена не возмущалась, когда раненый обнимал ее в ответ на помощь – вроде бы с благодарностью, но шаловливые ручки успевали многое. А однажды Георгий увидел, как Елена в сумерках возвращалась с купания – одна рука поперечно прикрывала грудь, вторая придерживала прижатое к животу платье. Порыв понятен: зачем надевать, если через пару секунд снова снимать? Но неподалеку лежит и, возможно, не спит посторонний мужчина!

– С ума сошла?! – Георгий втолкнул ее в дом. – А если увидит?

– Он меня уже видел, когда шел по болоту, перед тем как сознание потерять. И ничего.

В отличие о тебя, он из ерунды проблемы не делает.

Потемнело в глазах. Грудь жгло: это догадка Елены, или ей было рассказано? Георгий медленно выдохнул, а когда заговорил, голос почему-то стал сиплым:

– Он сам сказал?

– Обмолвился случайно, когда про татуировку расспрашивал.

Одно другого хлеще. Теперь голос не просто осип, а почти пропал:

– Просил показать?

Елена вдруг отвела глаза. Георгий понял.

– Показала?

– Не заводи свою шарманку. Показала, но только татуировку. Хватит об этом. Жизнь прекрасна, это и есть рай, который мы по своей дурости сами делаем адом. В конкретном случае «мы» это «ты». Если не можешь вытащить из грязной ямы себя, хотя бы не тащи туда других.

Елена права, дело в нем, а не в ней. Проблему создает его мнительность, с этим и нужно бороться.

Следующий день прошел без нервов, Георгий специально ушел подальше, чтобы не рвать сердце по надуманным поводам. У начала болот лежало упавшее дерево, периодически он рубил огромный ствол на чурки и сегодня решил отделить и прикатить домой еще парочку. Ближние деревья лучше сохранить на будущее, вдруг что-то со здоровьем случится или нагрянут неожиданные холода?

Стук топора до избышки не долетал, далековато. Соответственно, никакие звуки не могли донестись и оттуда. Полчаса работы превратили мозг в кашу – воображение выдавало такое, что Георгий не выдержал.

Сначала он бежал. Недалеко от избышки пришлось постоять и отдышаться. Когда соломенная крыша уже просматривалась среди ветвей, от речки донесли плеск и вкрадчивый голос Соловья:

– Я немножко волшебник. Могу сделать так, что ты не перепрыгнешь, скажем, через таз.

– И как же ты это сделаешь? – заинтересовалась Елена.

- Давай поспорим, что я смогу так сделать.
- Схватишь меня и не дашь прыгать?
- Даже пальцем не дотронусь.
- А чем? – грубовато съязвила Елена.

Георгий осторожно раздвинул ветки. Елена стирала у берега, сидя на бревнышке, у кромки воды стоял таз с бельем, а Соловей лежал на траве метрах в пяти и пожевывал травинку.

– «Даже пальцем» подразумевает, что ничем. – Соловей сделал вид, что обиделся. – Я никак не ограничу тебя. И если ты перепрыгнешь таз, я сочиню о тебе балладу и до конца дней буду петь на каждом перекрестке.

- А мне споешь?
- А как же. Сразу же. Тем более, что я уже начал сочинять. Значит, спорим?
- Спорим!
- Отлично. – В голосе Соловья появились шуточные нотки: – А если не перепрыгнешь, придешь ко мне ночью.

– Надеюсь, ты шутишь, потому что иначе... Куда ты потащил таз?!

Георгий стиснул зубы. Если таз поставить в воду, прыгать через него придется в реку. У Елены будет два выхода из положения: прыгнуть и выйти в облепившем тело мокрым сарафане или предварительно раздеться.

Последнее отбрасываем, на такое она неспособна. Но в первом случае ей придется как-то объяснить Георгию, почему одежда мокрая. Любопытно: скажет правду или соврет, что оступилась и упала в речку случайно?

А если соврет – как ей верить дальше?

Еще возможен неучтенный третий вариант. Елена откажется прыгать. А по условиям, не перепрыгнув, она проиграет. Что Елена хотела сказать после «иначе»?

А что на ее месте сказал бы Георгий?

Он – не она, Елена могла иметь в виду что-то другое. Но разве ситуация допускает нечто «другое»?

Лучше вмешаться, пока не поздно. Георгий выдвинулся вперед...

Его не увидели, оба стояли спиной. Соловей шагнул к нависшему над водой дубу и закинул таз высоко на ветку:

– Прыгай.

До таза даже рукой не достать.

Георгий отступил обратно в тень. Некоторое время с берега доносились возня и тихая ругань Елены. Похоже, она сбивала таз палками или пыталась влезть за ним, а Георгий знал, что меткость – не конек Елены, и с деревьями у нее отношения сложные, встреча могла повредить шкурку обоим. Никогда в жизни Елена не забиралась туда, куда нельзя запрыгнуть.

Допрыгалась.

Нужно ли говорить, насколько нервным был вечер? Георгий не смотрел Елене в глаза – боялся увидеть решимость или равнодушие. Она молчала и тоже отводила взгляд. Ужин прошел скомкано, хорошо себя чувствовал только Соловей – когда ему принесли миску с кашей, он долго расхваливал хозяйку и ее великолепное творение, громко чавкал, показывая, как вкусно, а потом душевно пел до самой ночи, пока не отошли ко сну.

Елена – милая, теплая, знакомая до каждой родинки – лежала рядом, но казалось, что посреди кровати выросла стена. Каждый не спал и думал о своем. Георгий то и дело открывал рот сказать, что все слышал... и закрывал. Что прозвучит в ответ? А главное – как его поведение выглядит со стороны? Подглядывал и не вмешался? То есть, подглядывание и слежка для него в порядке вещей? И он еще требует доверия?

Георгий не сомкнул глаз. Всю ночь. Лежал так, будто спал, дышал ровно, а ворочался лишь иногда.

Рядом так же «спала» Елена.

Меры следовало принять гораздо раньше, пока была возможность влиять на причины. Теперь нужно бороться со следствиями. Не спать все ночи подряд не получится. И за дровами ходить надо, а кроме дров существуют еще десятки поводов для долгой отлучки. Придется мучиться от диких предположений, которые подкинет фантазия. Разве назвать такое существование жизнью?

Кожа зудела от комариных укусов. Георгий терпел. Люди во сне не чешутся, а Елена должна быть убеждена, что он спит.

Когда веки смыкались, он кусал себя за язык. Напрягал мышцы. Считал овец. Вместо овец представлялись кривые зубы Соловья, к которым поочередно прикладывался молоток, и тогда их пересчет доставлял удовольствие.

Пару раз снаружи чирикала неведомая ночная птаха. Долго ухала сова. Час тянулся за часом, ничего не происходило.

Рассвет ознаменовался многоголосым птичьим гомоном. Новый день вступал в права, сквозь кроны пробились яркие лучи, один пополз по спящей Елене.

Ночью она никуда не ходила. Даже в кустики, хотя после ужина выпила чая.

Георгий осторожно поднялся и вышел на крыльцо.

Под навесом оказалось пусто.

Дневные поиски подтвердили, что Соловья нет и в лесу. А около елки, к которой в свое время его вытащили из болота, остались свежие следы.

Глава 3. Сказка, потерянный рай и комары

Прежняя беззаботность не возвращалась. Ночью они летали на крыльях любви, а новый день проходил в прежней чехарде забот и вгонял в уныние. Время от времени Елена жаловалась на отсутствие привычных вещей и удобств. «Разве это жизнь?» – говорила она, обводя избушку, лес и речку потускневшим взглядом.

Без телефона и интернета.

Без компьютера, телевизора и прочей техники.

Без любимых продуктов.

В простейшей одежде.

С водой в реке и светом от костра или лучины.

Сказка оказалась утомительно скучной и просто злой. Встречей двух любящих сердец сказки должны заканчиваться, а не начинаться. День ото дня Елена грустнела, счастье уже не казалось вечным. И еще одна напасть – комары. От них не скроешься, не успевала Елена отнимать ударившую ладонь от одного места, как приходилось бить по другому. В последнее время комары словно озверели. Раньше было не так. Или изменилось отношение к невыносимым насекомым? Когда душа радуется, мелких неприятностей не замечаешь, а когда неприятности занимают все мысли полностью...

Жизнь в лесу сменила статус. Теперь город казался потерянным раем.

Это с позиции Елены. Георгий поддерживал ее во всем, кивал, когда жаловалась на жизнь, и помогал всеми силами. Большого сделать он не мог, как ни пытался.

И ничего не получалось. Елена все больше уходила в себя. Во время какого-нибудь дела она могла замереть и часами глядеть в окошко остановившимся взглядом. Она потеряла вкус к жизни.

А потом Елена исчезла.

В отчаянье Георгий носился по лесу, искал, звал, даже плакал... Вампир вернул ее в прежний мир? Почему одну, без Георгия?

А вдруг ей стало настолько плохо, что она утопилась?!

Мелкая речка просматривалась до дна, и кроме рыбы в ней ничего не нашлось. Оставались болота, но их невозможно обследовать без риска для жизни.

Осмотр берегов дал зацепку. Около елки, к которой вытаскивали раненого Соловья, осталась примятая трава, а из ямы за кустами вместо запаха земли и перепрелого дерева ударило чем-то резким и опасным. Пот? Здесь спал большой зверь? Медведь? Но обедал он не здесь, иначе остались бы кости. Не мог же медведь съесть человека целиком?

Или мог?

Следы хищника, который похитил Елену, нашлись неподалеку. Если это медведь, то он был в сапогах: внизу свежего отпечатка четко выделялся каблук.

Георгий опустился на траву. Только Соловей и его шайка знали дорогу сюда.

Все стало ясно. Елена отвергла разбойника, он вернулся и похитил ее. Теперь, чтобы найти Елену, нужно найти Соловья. Для этого надо выйти в большой мир.

Георгий собрал котомку с продуктами, взял нож, топор и самодельный щит, который они сделали с Соловьем. И, конечно, копьё – оно поможет в болоте.

– Прощай, избушка. Или до свидания. Но что-то мне подсказывает, что прощай.

Способ одолеть непролазную топь он примерно представлял. «Как прошел через болота? – По елкам». Если от елки на берегу, к которой вытащили Соловья, глядеть на елку посреди болота, то разбойник шел именно оттуда.

Ноги провалились в вязкий ил. Неглубоко. Можно идти. Медленно, но верно Георгий продвигался вперед и, наконец, достиг раскидистой ели. Немного отдохнув, он нащупал тропку

к следующей елке. Ориентиры оказались правильными, главным было найти нужную елку. К вечеру Георгий вышел на твердую землю.

Донельзя вымотанный, он не сразу заметил двух ратников. Счастье, что они спали. Осторожно ступая, Георгий попытался обойти через лес, но пригляделся...

Воины были мертвы. Они лежали ничком, из спины у каждого торчала стрела. Рядом с трупами лежало оружие, на щитах красовался крылатый змей, что сказало о принадлежности убитых. Драконовы гридни. То есть, приближенные воины, как объяснял Соловей. Что-то вроде княжеских дружинников. Они разительно отличались друг от друга доспехами: одного до колен покрывала усиленная стальными пластинами кольчуга, второго защищал (но не защитил) чешуйчатый доспех – пришитые внахлест металлические пластинки. Стало быть, унификацию формы в подразделениях и по родам войск еще не ввели.

Георгий стянул с первого убитого кольчугу и примерил. Оказалось впору. Чешуйчатый сосед поделился сапогами нужного размера. Такжегодились меч и каплеобразный щит, а свое несуразное оружие и неправильную для «сказочного» мира одежду Георгий бросил в болото. Шлем с отчеканенным летящим драконом он надевать не стал, а с щита такое же изображение удалось сбить. В целом получилось неплохо, Соловей при встрече выглядел примерно так же.

Из просвета в лесу донесся мерный топот копыт. Георгий на всякий случай вытащил меч.

Глазам предстал всадник в полном средневековом вооружении. Если представить картину «Богатыри» Васнецова, то фактурой доблестный витязь не напоминал ни Муромца, ни Добрыню, разве только Алешу Поповича, доведись тому пару лет сидеть на диете.

– Ответ перед богами за все, душегуб! – звонко выкрикнул витязь и направил коня на Георгия.

Вскинутый над головой меч, другим концом поперечно опущенный на приподнятый щит, принял на себя удар чужого клинка. Раздался стальной лязг, полетели искры. Ноги едва выдержали. Спасибо Соловью, научил. Защита называлась «я в домике», от удара сверху ничего лучше еще не придумали.

Всадник стал разворачивать проскакавшего мимо коня для повторной атаки.

– Я не душегуб, я странствующий ры... витязь. – Говорить, не думая, не следовало, каждое слово могло оказаться последним. Вспомнил Георгий и про имя – что про него сказал Соловей. Поэтому он представился так: – Егорий. А этих, – он кивнул на трупы, – не я положил, а кто-то до меня. У меня и лука нет.

Всадник остановил коня.

Светленький, лет чуть за двадцать, усы мягкие – еще даже бриться не начал. Бороды нет – ее, наверное, витязь все же сбирал, стеснялся пуха.

– Котеня Блудович, – представился он и прыгнул с коня.

Сначала Георгий улыбнулся ласковому имени. Может, прозвище? Юный воин не походил на матерого кота, и «Котеня» само ложилось на язык, стоило посмотреть на детское лицо и наивный взгляд.

А уж отчество... Но родителей не выбирают, и любое имя можно прославить. Или сменить. Стали же потомки Андрея Кобылы династией Романовых.

– Сразимся? – вполне мирным тоном поинтересовался Котеня.

– А надо? – погрузнел Георгий.

Драться без повода не хотелось. Но если здесь так принято между встретившимися витязями...

Котеня помотал головой:

– Не надо. Просто предложил. Я путешествую в поисках славы, дал зарок: не вернусь домой, пока мое имя не прогремит на весь свет. Куда путь держишь?

– Невесту ищу, ее разбойник похитил. Соловей. Может, слышал?

– Кто ж Соловья Будимировича не знает? Удивляешь. Это ж народный мститель, герой. Недавно дракон хотел его извести. По всем лесам шум стоял, гридни под каждый куст заглянули, каждую рощицу прочесали. Говорят, почти поймали. Ушел. Простые люди на его стороне – укрыли, выходили. Сейчас новых ребят набрал. Того и гляди, на него опять охоту начнут.

Хорошо бы, подумал Георгий. И тут же уточнил: но после того, как удастся вернуть Елену.

– Если твоя суженая у Соловья, – продолжил Котеня, – вреда ей не причинят. Только если сама захочет. Он своих татей в крепкой руке держит, иначе распоясались бы давно и половину окрестного люда обобрали да перерезали. А вот если твою суженую кто из его ребят без спросу уволок... Проще говоря, тебе в любом случае к Соловью нужно, он разберется. – Взгляд молодого витязя упал на убитых. – Надо бы похоронить.

Похороны заняли немало времени – мечами копать несподручно, особенно когда на тебе дополнительные килограммы железа. Пока Георгий оглядывался, из чего сделать крест, Котеня приволок и водрузил на могилку тяжелый булыжник:

– Пусть там им будет лучше, чем здесь.

Георгий делал про себя пометки: Бога не упоминают, только по-язычески, во множественном числе: «боги». Крестов не ставят. Нужно запомнить.

Смеркалось, пора было думать о ночлеге. Котеня привязал коня на лужайке в другой стороне от могилы, Георгий набрал хвороста и разжег костер. В приготовлении ужина и размещении спутник принимал самое деятельное участие, но как ни старался, каждое движение выдавало, что к таким занятиям он не приучен. Несмотря на внешний вид вроде бы грозного витязя (если глядеть издалека), в походной жизни он понимал даже меньше Георгия.

Спать разместились под деревом. Котеня рассказал себе. Отец погиб, мать воспитала сына достойно и хотела женить на дочери недавно почившего окольного, статной красавице, к которой даже из-за моря сватались. Разговор между матерями состоялся на пиру в присутствии множества гостей. Сватовство закончилось отказом – прилюдным, не в меру громким и потому оскорбительным. Разлад между семьями попытался уладить сам Котеня. Правдами и неправдами он проник в дом невесты и сумел переговорить. Избранница против него, как жениха, нисколько не возражала. Как и против других. «Как маменька скажет. Если разрешит, то я согласна». А мать была непреклонна: дочь пойдет за известного и уважаемого человека, пусть пока неясно, за кого именно.

«Что нужно сделать, чтобы выбрали меня?» – спросил Котеня.

«Добейся чего-нибудь в жизни. О тебе должны говорить. В наше время это лучшая рекомендация».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.